

ПАВЕЛ АСТАХОВ

ПРОДЮСЕР

ЗАКОНЫ БИЗНЕСА ЖЕСТОКИ,
ПРАВЫ ШОУ-БИЗНЕСА БЕСПОЩАДНЫ!

ЭКСМО

Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Продюсер

«ЭКСМО»

2009

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Астахов П. А.

Продюсер / П. А. Астахов — «Эксмо», 2009 — (Адвокат Артем Павлов)

ISBN 978-5-699-33491-9

Шоу-бизнес в агонии! Великий и ужасный продюсер, медиамагнат, вершитель мегапроектов, повелитель звезд и отец сенсаций Иосиф Шлиц убит на пороге собственного дома. Невнятно произнесенное перед смертью имя убийцы – единственная зацепка следствия. А тем временем конкуренты, прилипалы и авантюристы набросились на его медиаимперию, растаскивая бизнес на куски. Ни вдове, ни сыну на этом обильном пиру, похоже, нет места. Опытный адвокат Артем Павлов отчаянно бросается на их защиту, но понимает, что изменить ситуацию практически невозможно. Ведь империи просто так не гибнут! Защитник оказывается прав: мир шоу-бизнеса гудит как потревоженный улей, знаменитый певец Кирилл Фарфоров сбежал от следствия за границу, компаньоны вцепились друг другу в глотки – один сгорел в собственном ночном клубе «Гоголефф», другой искалечен, а «крыша» Шлица – вор в законе Бессараб – таинственно исчез. Законы бизнеса жестоки, нравы шоу-бизнеса беспощадны! Следствие бессильно, но интуиция защитника и последовательность вроде бы случайных событий убеждают Артема – всем этим кошмаром управляет чья-то расчетливая и сильная воля...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-33491-9

© Астахов П. А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Выстрел	7
Рулетка	8
Квартира	10
Йоська	12
Ваня	13
Митя	14
Люди	16
Побег	18
Совещание	20
Пистолет	21
Фуфло	24
Корней	25
Вдова	28
Панихида	30
Звонок	32
Клим	34
Допрос	37
Соболезнования	39
Раскрутка	41
Активы	44
Голубок	47
Элвис	50
Видение	52
Долги	53
Модельер	57
GAY	60
Мальчики	62
Кассир	65
Крайний	69
Прокурворы	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Павел Астахов

Продюсер

© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

* * *

*«...А чтоб война не скучной была, мы с красными «товарищами»
и белыми «господами» договор негласный заключили: «проституток и
артистов не убивать!»*

Батяка Нестор Махно.

Манифест

Выстрел

Выстрел глухо отозвался в лестничном проеме и затих где-то в верхних этажах. Две милые, благообразные пожилые дамы переглянулись. Одна из них с трудом привстала и прислушалась.

– Анна Герасимовна, вы слышали? – повернулась она к своей товарке.

– А что такое? – сидевшая старушка удивленно приподняла брови.

– Этот звук. Этакий «бабах», – дама взмахнула палочкой.

– Звук? Нет. Ничего не слышу.

– Давай-ка, Аннушка, мы все же посмотрим, что это там бабахнуло. – Она потянула собеседницу за рукав кофточки, и та, подчинившись, так же тяжело поднялась, и обе старушки засеменили к подъезду.

Лифт оказался внизу, и уже через пару минут они поднялись на самый верхний, девятый этаж и стали медленно спускаться по лестничным пролетам все ниже и ниже. Наконец на площадке пятого этажа они обнаружили лежащего ничком человека. Это был мужчина крупного телосложения в джинсах и замшевой куртке. Анна Герасимовна отшатнулась, тихонько охнув, осела на ступеньки и принялась мелко и быстро креститься. Ее подружка тем временем наклонилась над телом, попыталась слегка повернуть его голову и тут же отпрянула:

– Анечка, это же Шлиц! Он еще дышит! Скорее зови на помощь. «Скорую» зови! Беги, Аня! Беги, – сама же наклонилась к нему совсем близко и пощупала пульс на шее.

От прикосновения Шлиц застонал и попытался что-то сказать. Но выходило лишь какое-то мычание:

– Фффу-уф...

– Кто это? Кто это сделал? Что с вами? – Бабулька засыпала несчастного вопросами.

Он еще раз попытался что-то сказать, но сквозь кровавые пузыри снова и снова выходило лишь «фуканье»:

– Фффы...Фффа... оффф... – Смертельно раненный Иосиф Шлиц замолчал, и его голова, поддерживаемая сочувствующей старушкой, безжизненно откинулась.

Рулетка

Так называемые элитные дома отличаются отсутствием надписей на стенах, мусора в кабинках лифта и неприятных физиологических запахов в подъезде. В остальном же, несмотря на ставшие столь популярными в последнее время видеокамеры и технические средства охраны, любой московский двор одинаково небезопасен для его обитателей. Единственной надежной и бдительной службой охраны остаются старушки, несущие свою неусыпную вахту на лавочках, скамеечках и в беседках, – они и сообщили о происшествии в милицию.

Реакция милиции была мгновенной и масштабной. Район стали патрулировать, а бригаду следователей возглавил генерал юстиции Геннадий Дмитриевич Агушин, с недавнего времени еще и исполняющий обязанности председателя следственного комитета. Да, нечасто увидишь генерала, работающего с рулеткой, но случай был особый: убили величайшего продюсера современности. Убили нагло и демонстративно – прямо у дверей квартиры, и Агушин счел своим долгом исследовать все обстоятельства жуткого преступления лично.

– Так, записывай, тело расположено в сорока... – Агушин внимательно посмотрел на зажатый пальцами хвост карманной рулетки и поднял голову: –...восемью сантиметрах от головы до порога квартиры номер тринадцать.

– Готово, Геннадий Дмитриевич, записал, – негромко отчитался помощник.

– И теперь от правой ноги до порога лифтовой шахты... так, так. Сколько у нас здесь? – бормотал следователь и разматывал рулетку. – Ага! Один метр и шесть сантиметров. Вот. Так и пиши.

Помощник заносил данные в протокол осмотра места происшествия, сидя на ступеньках и подложив под желтый бланк свой потрепанный портфель. Криминалист все это время беспрерывно щелкал затвором фотоаппарата, ослепляя вспышками Агушина. Тот морщился, но продолжал диктовать результаты своих скорбных вычислений.

Внезапно со скрежетом открылись двери лифта, и из кабины медленно выплыла высокая стройная женщина. Умелый макияж и тотальный уход за внешностью лишал наблюдателей возможности определить ее настоящий возраст. И лишь мельчайшие морщинки вокруг глаз и губ, замеченные внимательным оперативником, выдавали возраст Виктории Медянской, отныне вдовы. Она вышла из лифта и застыла. Глаза наполнились влагой, которая в слезы так и не превратилась. Медянская молча смотрела на погибшего мужа. Следователь, криминалист и опер оглядывали ее. Немая сцена затягивалась, и Агушин кашлянул:

– Виктория Станиславовна, если не ошибаюсь?

Женщина вздрогнула и повернулась на голос, а следователь поднялся и приблизился.

– Извините, госпожа Медянская, я прошу вас открыть квартиру и, если можно, пройти внутрь.

Женщина, не поворачиваясь, кивнула и стала судорожно доставать ключи, не глядя ни на следователя, ни на распростертое тело супруга, подошла к двери и открыла ее. Группа вслед за хозяйкой прошла в квартиру. На площадке остался лишь судмедэксперт. Он перевернул тело и осмотрел пулевое отверстие на груди в районе сердца. Заглянул в глаза, подсветив их фонариком, и в рот. Покряхтел, покачал головой и крикнул в открытую дверь:

– Геннадий Дмитрич, ну, чего с телом-то делать? Я закончил.

В ответ на порог выскочил только что удалившийся Агушин. Он яростно завращал глазами и зашипел на эксперта:

– Ну, ты обалдел совсем, Петрович?! Тише ты! Она же все слышит. Это ж муж ее. Чего ты разорался?

Эксперт обиженно пожал плечами:

– Вот еще нежности. Муж! А сама перешагнула и даже не глянула. Му-у-уж – объелся груш. Не дай бог такую жену... Как знаешь.

Эксперт махнул рукой и закурил сигарету, Агушин скорчил кислую мину.

– Слышь, Петрович. Если закончил, то увози. Только без шума, – он приложил указательный палец к губам, – тихонько.

Эксперт нервно передернул плечами и принялся упаковывать тело убитого продюсера в темный полиэтилен. Следовательно удовлетворенно кивнул и снова исчез за дверью, на этот раз прикрыв ее за собой. Он, как и эксперт, понял, что трагических сцен прощания ждать не стоит. Жизнь Медянской и Шлица давно уже носила формальный характер.

Квартира

Квартира Медянской – Шлица олицетворяла собою понятие «полная чаша». Изобилие выступало из всех углов: с богатого лепного потолка, с шикарных персидских ковров под ногами и даже из мягко свисающих портьер на окнах. И пока вдова стояла возле окна и нервно покусывала кончик указательного пальца, вся следственная группа непрестанно водила глазами, оглядывая богатое убранство жилища великого продюсера Шлица. Первым очнулся следователь Агушин:

– М-да. Виктория Станиславовна, вы уж извините.

– Что? – Медянская вздрогнула, оглянулась и замутненным взглядом обвела комнату, наполненную чужими мужчинами.

– Кто вы? Что вам угодно?

Тон, каким это было сказано, мог смутить кого угодно, однако Агушин считался бывалым следователем вполне заслуженно – и тут же нашелся:

– Мы – сотрудники прокуратуры и органов внутренних дел. Меня лично зовут Геннадий Дмитриевич Агушин, государственный советник юстиции третьего класса, следователь по особо важным делам следственного комитета при Генеральной прокуратуре.

– Да? – Виктория повела бровями и так же отрешенно уставилась на кончик его носа.

– Не сомневайтесь. Вот мое удостоверение, – «важняк» Агушин протянул раскрытые корочки.

Медянская посмотрела мимо и опустила голову, и следователь откашлялся и продолжил уже бодрее:

– Я понимаю, как вам тяжело, Виктория Станиславовна. Что ж мы, не люди?! Мы понимаем. Но и вы поймите нас. Нам надо дело раскрыть.

– Раскрыть... – как эхо отозвалась Медянская.

– Да. И желательно скорее. И так уже Президенту доложили.

– О чем? – она вновь повела бровями, но по-прежнему смотрела мимо Агушина.

Тот икнул:

– Так... об убийстве доложили. Он ведь... ваш супруг... был членом Президентского совета по культуре.

– А-а-а... – безразлично протянула Медянская и вдруг вся поникла, уронила голову на руки и беззвучно зарыдала.

Ее плечи, сгорбленная спина содрогались в такт редким всхлипам. Собравшиеся мужчины переминались с ноги на ногу, а Геннадий Дмитриевич виновато подумал, что насчет хладнокровия вдовы ошибся. В дверь протиснулся человек в белом халате и тут же подошел к плачущей Медянской. Он молча достал из кармана упаковку таблеток, выдал в ладонь одну и протянул вдове. Она не отреагировала. Тогда врач потянул ее за руку и наклонился ближе, пытаясь вложить таблетку ей в рот:

– Примите. Вам станет легче. Прошу вас...

Его голос был спокоен и убедителен, и Медянская приняла протянутую пилюлю и тут же тяжело сглотнула. Врач встал и повернулся к Агушину:

– Вы старший?

– Точно так, я. Следователь Агушин.

– А я старший судмедэксперт спецкримлаборатории Борис Тетерев. Я прошу пройти со мной. Мои эксперты закончили осмотр. Но есть формальности. Нам нужно оформить... перевозку, – подобрал нужное слово врач и кивнул в сторону выхода. Агушин кивнул в ответ и вышел вместе с врачом.

Тело было уже упаковано в специальный пластиковый мешок. На площадке курили два сотрудника спецмедпомощи в белых халатах, криминалист, судмедэксперт и три постовых милиционера, которые по-прежнему сдерживали зевак, любопытствующих соседей и просто прибежавших на шум людей.

– Подпишите здесь и здесь, – врач протянул бланк Агушину, и тот тут же расписался. – Так. О'кей! Увозим?

– Да, конечно. Забирайте. Когда будет готово заключение? – поинтересовался следователь. Старший врач-эксперт на мгновение задумался, поднял глаза к потолку и, что-то посчитав, ответил:

– Если честно, то не раньше, чем дней через десять.

– Да вы что?! – возмутился Агушин. Он понимал, что за такой срок его вывернут наизнанку. Начальство уже названивало без остановки по всем телефонам, требуя немедленного отчета и результатов. Он специально оставил мобильный телефон в рабочем кабинете, а другой, предназначенный для немногих, переключил на беззвучный режим.

– Меня же начальство голым в Африку пустит! Понимаете?

– Понимаю. Но и вы нас поймите. У нас полтора эксперта осталось в конторе. А криминальных жмуриков по десятку в день. Очередь, прости господи! Ваш брат торопит, и всем быстрее надо.

Врач возмущенно сплюнул в угол, и Агушин, пытаясь расположить его к себе, сменил тон и заговорил вполголоса:

– Слушай, брат, я понимаю. Но и ты пойми, какой шум поднимается! Президент уже взял на контроль.

– Да?

– Точно говорю! – Агушин выразительно поднял брови.

Врач снова сплюнул и, чуть помедлив, ответил:

– Ладно. Считай – уговорил. Позвони завтра к вечеру. Попробуем что-нибудь сделать.

Агушин обрадовался:

– Вот выручил, брат! Спасибо. Слышь, только пулю, когда извлечете, отдайте скорее баллистиком. Я подошлю человечка. Договорились?

– Замазано! Получишь ты свою пулю. Давай! – Он пожал протянутую следователем руку. Тот дернулся и трижды плюнул через левое плечо:

– Тьфу-тьфу-тьфу! Ну, ты сказал! Пулю!!!

– Извини. Профдеформация. Хорош курить. Грузите!

Врач повернулся к коллегам, и скорбная процессия двинулась пешком по лестнице к выходу. Второй раз в жизни продюсер, режиссер, администратор, член Президентского совета по культуре в одном лице Иосиф Шлиц оказался в пластиковом пакете. Однако, в отличие от того давнего случая в детстве, выбраться на этот раз ему было не суждено.

Йоська

– Слабо тебе, Йоська, нырнуть?

– Че? Это те слабо!

– Ой-ой-ой! Йоська-авоська! Слабо! Слабо! Слабо-би-бо!

Чумазые мальчишки вопили что есть сил. На краю огромной ржавой емкости с водой, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась неким очистным сооружением, стоял рыжий вихрастый парень лет восьми в черных сатиновых трусах. Видно было, как дрожат его худые ноги и плечи. Он решительно взмахнул руками и крикнул:

– А вот и не слабо! Вы все слабаки! Ур-р-раа-а-а! – Он подпрыгнул и, взлетев метра на полтора вверх, плюхнулся в воду.

Он погрузился не глубоко, но почувствовал, как вода вокруг стала вдруг слишком плотной и липкой. Его затягивало какой-то невидимой пленкой. «Целлофан!» – промелькнуло в голове у Йоськи. Точно! Парни рассказывали, что в этих очистных баках делают специальные прокладки из целлофана, чтобы разделить очищенную воду. Сам он никогда не нырял в эти отстойники и никогда бы не прыгнул, если бы не подначка ребят. Вытерпеть насмешек он не мог и никогда их не терпел. А тонкий, но прочный коварный пластик уже сделал свое дело и облепил все его худое тело, крепко спеленав ноги. Йоська стал грести руками изо всех сил, но целлофан был закреплен где-то внизу и не выпускал его из своих полиэтиленовых объятий. Поверхность воды была совсем рядом, но шансов выбраться практически не оставалось. Он попытался кричать, но звук превращался лишь в массу воздушных пузырей, таявших над головой.

А потом наступил миг, когда Шлиц обессилел, и тогда ему стало страшно. Показалось, что короткая жизнь местечкового мальчишки прожита абсолютно напрасно. Он не успел ни окончить школу, ни стать артистом и космонавтом, как мечтали все его сверстники в Жмеринке. Он даже не успел увидеть Москву и Кремль.

«Как жаль! Какая нелепая гибель...»

В тот же миг сильные руки вцепились в его мокрые вихры и рванули Йоську вверх. Пленка поддалась. Еще рывок, и еще один. Воздух! Яркое солнце и черная от загара перепуганная физиономия Ваньки Бессараба по кличке Цыган – единственного, кто не испугался и бросился на помощь тонущему другу.

И пока остальные перепуганные пацаны с криками «Йоська Шлиц утоп!» бежали в деревню, Ванька с Иосифом, спаситель и спасенный, отжимали намокшие трусы и дрожали от пережитого. Этот случай положил начало их многолетней дружбе.

Ваня

– Ваня? – телефон трещал и булькал.

– Ну?

– Ванечка, это Вика.

– Кто? Какая...

– Вика Медянская! Ваня! Очнись!

– А-а-а. Ну и что?

– Ванечка, Иосиф... его... его убили!

Бессараб вскочил на кровати. Он перешагнул через двух спящих абсолютно нагих девиц и, как был голышом, побежал в коридор к входной двери.

– Где? Кто? – Он пытался понять, что делать, но мысли отчаянно скакали в голове. «Шлиц! Йоська! Друг! Кто? Как? Убит? Убит! Не может быть!»

Бессараб пытался достать ключи от машины и напрасно искал карман брюк, которых на нем вовсе не было. И все это время в трубке слышалось журчание голоса Виктории Медянской. Но значения ее слов Бессараб не понимал. Он понимал лишь одно: его друг детства, покровитель, благодетель и кормилец убит. С этого мгновения жизнь начнет меняться, возможно, самым необратимым образом.

Иван остановился, пытаясь сообразить, где же найти брюки и ключи, но в голове творился полный кавардак. Поверить в то, что Шлиц убит, было сложно, но Иван, видевший смерть неоднократно, бывший не раз на волосок от нее и даже, что уж греха таить, сам убивавший людей, все же не мог представить своего товарища мертвым.

Митя

Генеральный директор «Олл старз корпорейшн, лимитед» Митя Фадеев занимался своей рутинной работой – считал наличные деньги, собранные к концу месяца со всех «живых» проектов Иосифа Шлица. Это было прескучнейшим занятием, от которого он всегда тяжело морально страдал. Самое же неприятное заключалось в том, что считал он ЧУЖИЕ деньги.

Аппарат в очередной раз отстрекотал сотню банкнот и пикнул: «Готово! 10 000 долларов!» Митя налил стакан минералки и, обмахиваясь какими-то контрактами, в беспорядке разбросанными по столу, сделал большой глоток. Пузырики впились в глотку, побежали в нос и с шумом вырвались наружу.

– Ууу-ф-ф-ф! – выдохнул Фадеев.

Тут же зазвонил мобильный телефон, а вслед за ним и второй, лежащий рядом на столе. Они наперебой выдавали последние хиты Шлица, который заказал их и уже выкупил у Тима Баланда для стремительно взлетающего по звездной лестнице Клим Чуга, недавнего приобретения Иосифа. Дослушав до конца один куплет мелодии, Фадеев сбросил звонок с первой и взял вторую трубку:

– Аллю?

– Митя? Митя! Это Виктория. Срочно приезжай!

Фадеев недовольно насупился. Ему предстояло еще сосчитать две коробки денег.

– Виктория Станиславовна, я не могу-у-у... – затянул он.

Но Медянская его тут же оборвала:

– Брось все и приезжай немедленно!

Митя насторожился. Таких глухих и одновременно жестких ноток в ее голосе он никогда не слышал.

– Что-то не так? Что-то случилось? А?

– Случилось. Иосифа больше нет.

– В смысле? Он уехал? Ушел, что ли, от вас?

Фадеев пытался представить объяснения словам Медянской. Если неожиданно уехал, то это бывало и раньше. Увлечется какой-нибудь новой певичкой – и в загул. Если же ушел от Медянской совсем, то и это давно ожидалось. Их отношения в последний год совсем разладились. Но неприятный холодок уже начал сжимать его сердце. Истинный смысл фразы «больше нет» на подсознательном уровне постепенно сковал существо генерального директора всех основных музыкальных проектов Шлица. Предательски дрогнула рука, и вновь затрезвонил второй телефон.

– Митя. Его убили... – В голосе Медянской слышались усталость, отчаяние и боль. – Я тебя прошу приехать. И еще... – она замаялась.

Фадеев напрягся и вновь сбросил звонок другого надрывавшегося телефона:

– Что?

– Привези деньги. Они понадобятся, видимо... – вымолвила с трудом Медянская.

– Да-да, конечно, Виктория Станиславовна. Я скоро буду.

– Хорошо, жду тебя, Митя.

Медянская отключилась, а Фадеев вытер испарину со лба. Свершилось то, чего боялись все, кто работал со Шлицем последние годы. Потому что именно в последние лет шесть-семь он нажил таких врагов, только от имен которых у большинства в сфере шоу-бизнеса подкашивались ноги и надолго пропадал аппетит. Митя ошалело оглядел коробки с деньгами, мигающую счетную машину и газировку, которая из последних сил выпускала пузырьки на свободу.

– И что теперь делать?

Он снова протер потеющий лоб и с силой пнул еще не разобранные коробки с наличностью. Одна из них завалилась на бок, и из нее словно водопад высыпались разноцветные деньги. Это были и доллары, и рубли, и евро, и даже английские фунты. Весь урожай от месячного «чеса» по корпоративным вечеринкам и клубам многочисленной артистической и музыкальной команды ныне покойного Иосифа Шлица. Митя Фадеев заворуженно смотрел на деньги и мучительно пытался осмыслить все сказанное Медянской и представить себе жизнь без Великого и Ужасного Продюсера. Что-то подсказывало Мите, что проблемы начнут сыпаться одна за другой.

– А с другой стороны...

С другой стороны, в отсутствие Главного Человека в их совместном бизнесе, где Фадееву была отведена одна из ключевых, но все же строго подчиненных ролей, он мог некоторое время почувствовать себя хозяином. Он еще раз пнул денежные коробки так, что они завалились под письменный стол. Митя довольно потер ладоши и сказал шепотом, но вслух:

– Если что, скажу: «Завалились». И это будет чистая правда! – Он нервно хохотнул, вскочил из-за стола и отсчитал три упакованные пачки долларов по десять тысяч. Подержал их в руке, как бы взвешивая, хитро прищурился и спросил сам себя: – Хм! А если сказать, что не успел собрать? – Он задумался и отложил одну пачку обратно на стол. Попробовал оставшиеся две на вес и рассмеялся: – И что, Хозяйка Медной Горы поймет, что ее надули?

Надо сказать, что такое прозвище Виктория Станиславовна вполне заслуженно получила по нескольким причинам. Во-первых, из-за фамилии, которую не меняла ни в первом, ни во втором браке. Во-вторых, из-за характера. В-третьих, ее отец Станислав Медянский, обрусевший поляк, сбежавший из Союза в Израиль, владел акциями крупнейших медных копей на Земле обетованной, но благополучно спустил их незадолго до смерти, пристрастившись к азартным играм. И хотя Медянская не получила в наследство отцовских активов, прозвище все же осталось.

Фадеев нахлобучил валявшуюся на столе бейсболку. Две пачки по десять тысяч запихал в карманы и развел освободившимися руками, репетируя встречу со вдовой:

– Да! Так. Только двадцатка. А остальное? Остальное... не успел собрать, вот и все, – и добавил в сторону: – Пусть проверяет Хозяйка Медной Горы.

Люди

Постепенно квартира наполнялась людьми. Подъехали две давно позабытые школьные подруги Виктории. Она не общалась с ними лет пять, но машинально набрала их телефоны по очереди и сообщила о гибели мужа, – видимо, от бессилия, отчаяния и страха перед непонятным будущим. Подруги тут же откликнулись, так как относились к Виктории всегда хорошо и радовались ее и последнего мужа успехам искренне, лишь потому, что совсем не занимались шоу-бизнесом и были далеки от этой сложной стихии. Они тут же занялись приготовлением к похоронам и поначалу тщательно пытались выяснить у Виктории, был ли Иосиф Шлиц верующим. И если да, то каким? Правоверным иудеем или же православным христианином? Хотя не исключались и другие варианты. Эти сведения были необходимы, чтобы решить вопрос с отпеванием и памятником. Но выяснить, что в итоге изображать на надгробной табличке: крест или звезду Давида – так и не удавалось. Так они тихонько и спорили, пока не появился Иван Бессараб. Он внес еще большую неразбериху. Будучи цыганом по крови и космополитом по рождению, он тут же продемонстрировал свой нательный талисман в виде звездно-полумесячного креста. Такие часто можно увидеть у представителей его нации.

– Пусть над Иосифом горят и сияют все святыни, – пафосно заключил он и тут же принялся успокаивать Медянскую: – Витошенька, дорогая, я тебе клянусь! Я этого... этих извергов, нелюдей, вражин проклятых из-под земли! Со дна морского, из космоса! Достану! В порошок... в крошку порублю.

Иван, пытаясь приободрить Медянскую, принялся гладить ее по волосам, но она отстранилась и убрала от себя его огромную ладонь-лопату. Бессараб же, несколько не смущаясь, продолжал бубнить какие-то угрозы в адрес убийц, снова и снова пытаясь то обнять вдову, то погладить по голове.

Появлялись один за другим коллеги Иосифа. Композитор Алексеев пришел с огромным букетом красных гвоздик и долго топтался в коридоре, поглаживая свои пушистые усы. Приехали сразу три поэта-песенника, чьи произведения вот уже лет семь выкупал Иосиф, стабильно поставляя на отечественный шоу-рынок хит за хитом. Именно их творчеству все мы были обязаны бессмертными песнями о «Белокрылой каравелле», «Бордовой девятке», «Старшем лейтенанте», «Портрете на стене» и прочей «нетленкой». Потоптавшись в прихожей, они расселись по креслам и диванам, и сразу за ними потянулись лучшие певцы современной эстрады, звезды, зажженные Иосифом Шлицем: Айя Кисс, Клим Чук, группы «Тротил», «Вице-президент» и прочие труженики вокала. Начали появляться журналисты из газет «Наш день», «Такая жизнь», «Экс-стресс газета» – пишущая братия слеталась на сенсацию. Диктофоны, фотоаппараты и видеокамеры моментально заняли все свободное пространство. Казалось даже: еще немного – и в этом киберхаосе окончательно исчезнут люди, а останутся лишь «инфо-поводы» и «ньюс-мейкеры».

Они не раздражали и не смущали Медянскую. За долгие годы замужества и жизни сперва с одним продюсером – Женей Кузьминым, а затем двенадцать лет с Иосифом она привыкла, что эти труженики пера и диктофона – такое же неизбежное зло, как чайки, преследующие теплоход, или стая мелких морских хищников, опекающих обедающую акулу. Они были всегда в жизни ее мужей и уже стали частью ее существования.

Вдова вообще не замечала ничего и никого. Она сидела со стеклянным взором и лишь меняла очередную выкуренную сигарету на новую. Люди подходили, что-то говорили, советовали, спрашивали и отходили, но, несмотря на это многолюдье, Медянская чувствовала себя одинокой. А в числе последних в набитой людьми и аппаратурой квартире появился Митя Фадеев. Он посматривал из-под козырька нахлобученной бейсболки и выжидал момент, чтобы подойти к вдове. Но не успел. Виктория увидела его и властным жестом поманила к себе.

– Митя! Подойди. Пропустите его! – обратилась она к столпившимся журналистам. Те расступились, и Фадеев подошел и присел возле нее на корточки.

– Да, Виктория Станиславовна?

Она положила руку на его плечо:

– Митенька, я тебя прошу, займись оформлением...

– Хорошо. А что надо-то?

– Все, что положено, сделай. Закажи венки, гроб, ресторан. Ну, все, что положено в таком случае.

– Я понимаю, но... – Митя замялся, – у меня как-то не очень... с таким... опытом.

В ответ Медянская крепко стиснула его плечо, и Фадеев охнул и осел на пол. Не выпуская из цепких пальцев Митю, Виктория продолжала ровным голосом:

– Митя, ты постарайся. Ты понял меня? Не вынуждай меня... – она не договорила, а лишь еще сильнее прижала директора. Он застонал чуть слышно и попытался перехватить ее руку. Виктория не отпускала.

– Не дергайся. Люди смотрят уже. Ты прекрасно сам знаешь, что и как делать. А если нет – расспроси друзей. И не вздумай уваливать! – Она отпустила, наконец, несчастного Митю, и тот, болезненно морщась и потирая плечо, встал.

– И еще... – Медянская поманила его пальцем. Фадеев наклонился, уже не присаживаясь. Она посмотрела в его все еще испуганные, но уже ненавидящие глаза и ледяным голосом добавила: – Не вздумай химичить с деньгами! Иначе Бессараб тебя четвертует. Понял? Мальчик...

– Угу, – подтвердил Митя и отыскал взглядом упомянутого Ивана. Тот, несмотря на неподходящий момент, пытался клеиться к Айе Кисс, молоденькой певице, только недавно подписавшей контракт с Иосифом Шлицем. Удивительно красивая, свежая и, судя по зардевшимся щечкам, скромная и еще не испорченная ни славой, ни вниманием публики девушка отворачивалась от надоедливого Бессараба и пыталась уклониться от его тянущихся рук.

Митя прекрасно знал, что ради своего хозяина Иосифа Шлица преданный Иван Бессараб мог не просто покалечить, а даже убить любого, невзирая на лица. Однажды он уже поколотил Митю, когда у того из машины воры-борсеточники увели сумку с деньгами. Фадеев был виноват лишь в собственной наивности и невнимательности, но бил его Бессараб так, будто именно Митя присвоил всю недельную выручку. Даже сейчас, едва Митя вспомнил разборку с этим громилой, у него засосало под ложечкой и заныла челюсть, которую ненароком выбил бандит Бессараб. Митя сглотнул и затряс головой:

– Все сделаю! Только этого... не надо.

Директор умоляюще посмотрел на Викторию, и она царственно кивнула, и впрямь как Хозяйка Медной Горы из бажовской сказки о Даниле-мастере.

Побег

– Иван, ты обещал наказать виновных? – первым делом спросила вдова, едва они с Бессарабом закрылись в кабинете покойного продюсера.

– Конечно, Вика! Гад буду! Порву!

– Хорошо. Рвать пока никого не надо. Но я тебя прошу проследить за тем, чтобы Митя Фадеев не крысятничал, – нарушила она данное Мите слово не обращаться к Бессарабу, – у него остались деньги. Я точно знаю, что Иосиф не забирал последней выручки.

Медянская, не глядя на собеседника, нервно курила, а сидящий напротив огромный Иван Бессараб в белом костюме и лаковых туфлях, поигрывая костяшками пальцев, издавал неприятный щелкающий звук. От каждого такого щелчка вдова чуть заметно морщилась, а Бессараб все пытался поймать взгляд хозяйки. Ему не терпелось хоть как-то подтвердить свою преданность и тот факт, что звание «вора в законе» он носит не напрасно.

Бессараб очень быстро заводился и, будучи не способным к тонкому анализу и дедукции, полагался на два своих прирожденных качества: звериную интуицию и невероятную силу. Поэтому, не сумев предугадать убийство, не обладая возможностями его раскрыть и опасаясь выглядеть в глазах вдовы ненужным, он готов был порвать каждого, на кого укажет хозяйка. Он уже предвкушал расправу с Митей Фадеевым. А в том, что Митька – крыса и подлец, Иван не сомневался. Ему не терпелось «пощупать» гендиректора за самые нежные места. Прежде всего за денежную мошну, к которой имел доступ при жизни только Иосиф Шлиц. А потому совсем скоро, не успев Митя выйти из подъезда, его тут же догнал Иван:

– Аллю, Митяй! Ходь сюды!

Фадеев повернулся к окликнувшему его Бессарабу и попятился в сторону своей машины.

– Зачем?

– Иди, иди! Дело есть.

– Дело есть? – дрожа, переспросил Митя Фадеев. – Какое?

– А хрен сварился! Будешь есть? – гаркнул Бессараб, тут же схватил Митю за горло и зашипел ему в лицо: – Ты че, падла? Нюх потерял? Сучий потрох! Я те щас глаз на жопу натяну и моргать заставлю!

Фадеев отчаянно пытался укрыться от огромного кулака Бессараба, которым тот тыкал его в нос. Он не бил его, а именно пихал своим кулачищем, отчего у Мити тут же еще больше заныла поврежденная скула и потекла кровь из носа. Бессараб, увидев кровь, брезгливо поморщился и поволол Фадеева за шкурку к своему огромному внедорожнику «Эскалэйд»:

– Фу-у-у! Баба! Распустил нюни. Счас я тебе пропишу лекарство. А ну пшше-о-ол!

Бессараб распахнул дверь и пинком ноги придал бедному Мите ускорение. Тот влетел в заднюю дверь и тут же растянулся на сиденье. Иван не спеша обошел автомобиль и забрался на водительское место. Он знал, что Митя, самое трусливое существо, которое он только встречал, будет безропотно ожидать казни. Но на него обрушился град ударов по голове и спине.

Митя, оказавшись на заднем сиденье, схватил лежащую там укороченную бейсбольную битку и от страха, боли и унижения вложил всю свою силу и ненависть в удары. Бессараб, оглушенный и ошеломленный, рыча и пытаясь увернуться от ударов, повалился на бок и ненароком нажал на педаль акселератора. Автомобиль взревел и рванул с места, пролетел метров пять, и тут же наступила тишина.

Когда Иван пришел в себя, он был в одиночестве. Митя растворился так же внезапно, как и осмелился напасть на него. Иван потер ушибленное лицо и обнаружил, что оно сплошь залито кровью, хлеставшей из разбитой брови. Он зарычал, как разбуженный среди зимы медведь-шатун, и вывалился из автомобиля.

Огромный кадиллак «Эскалэйд», гордость бандита и громилы Ваньки Бессараба, врезавшись в столб уличного освещения, беспомощно повис на электрической мачте. Из-под капота валил пар, двигатель захлебнулся, а сорванный мощнейшим ударом хромированный блестящий бампер отлетел в сторону. Вокруг собирались зеваки.

Совещание

– Геннадий Дмитриевич, все собрались.

Помощник недовольно топтался на пороге кабинета «важняка» Агушина, но тот ни на кого не обращал внимания. Он и не мог этого сделать – прежде всего потому, что стоял по стойке «смирно» с зажатой в руке и приложенной к правому уху трубке рабочего телефона. Но главное – из-за невидимого помощнику собеседника на другом конце телефонного провода. Если проследить запутанный и сложный путь телефонного сигнала, то можно было установить, что, пройдя многочисленные кордоны соединительных АТС, он исходил из-за Кремлевской стены. Именно там в сей момент находился собеседник Агушина, заставивший его превратиться в соляной столб. Говорил следователь Геннадий Дмитриевич Агушин с новым Президентом страны. Не было слышно, какие именно инструкции отдавал руководитель государства «важняку», но по ответам Агушина можно было догадаться, что самые строгие и непосредственно касающиеся расследуемого «дела Шлица».

– Так точно! Никак нет! – почему-то по-военному рапортовал Агушин, выразительно тарашил глаза, надувал щеки и тряс головой. – Все понял. Будет сделано в кратчайшее время. Есть, докладывать срочно. Все понял. Не извольте беспокоиться. Есть!

Разговор закончился, а Агушин еще несколько минут благоговейно держал трубку у уха, вслушиваясь в далекие кремлевские гудки, хотя, скорее всего, их посылала местная телефонная станция. У него кружилась голова, ведь не каждый день с вами разговаривает лично Президент страны. Пусть новый и очень молодой, но все же ПРЕЗИДЕНТ! Не каждому дано и увидеть-то его живьем. А тут такая честь!

«Да-а-а, ради этого стоило убить не только Шлица...» – почему-то пронеслась в сознании Агушина дикая кровожадная мысль. Он потряхнул головой и наконец-то увидел топчущегося помощника.

– Чего тебе?

– Так собрались все уже. Ждут вас. Минут двадцать почти...

– Иду, иду. Давай двигай! Сейчас догоню.

Агушин схватил кое-какие бумаги со стола и поспешил в конец коридора к кабинету начальника следственного комитета. Ввиду отсутствия удобной совещательной комнаты или переговорной именно свой кабинет начальник предоставил для проведения служебных совещаний по особо важным и громким делам. Убийство самого известного в стране продюсера Иосифа Шлица, естественно, к ним относилось. Сам же начальник следственного комитета с утра сидел «на ковре» у Генерального прокурора. И судя по затянувшемуся ожиданию аудиенции, его судьба тоже была предрешена личным вмешательством Президента. Слишком уж громким было убийство Иосифа Шлица, и слишком уж много к сему дню набралось нераскрытых дел в новом следственном ведомстве.

Прикинув возможные перспективы, Геннадий Дмитриевич Агушин вдруг осознал, что лично ему погибший продюсер оставил в наследство счастливый лотерейный билет. И если к вечеру начальник не вернется, то Агушин становится непосредственным претендентом на место руководителя следственного комитета. Не зря же Президент давал советы, как тщательнее расследовать это странное убийство, персонально ему. Агушин почесал затылок и улыбнулся – настроение улучшалось с каждым мгновением. Оставалось совсем немного – раскрыть убийство.

Пистолет

Просторный кабинет начальника следственного комитета заполнился гудящими сотрудниками. Все ждали руководителя следственной группы Агушина. За ним посылали уже трижды, и наконец он появился. Долговязая фигура вынырнула из полумрака коридора и примостилась во главе переговорного стола прямо напротив пустующего кресла хозяина кабинета. Агушин сиял, и многие его подчиненные стали подозрительно переглядываться между собой и даже многозначительно подмигивать.

– Так! – хлопнул об стол папкой с надписью «Дело №» Агушин. – Я пригласил вас сюда, господа... – начал он известной фразой гоголевского монолога, но тут же осекся и прервал сам себя: – Короче, дело ясное, что дело темное.

Сотрудники загудели:

– Вот новость!

– Ага, прояснил.

– Что делать-то?

– Какие версии?

– Так. Спокойнее! – Агушин поднял руку и многозначительно обвел взглядом недовольных сотрудников.

– Я не буду объяснять сложности задачи, не буду вас страшить, не буду ничего обещать. Скажу только одно... – Он снова сделал театральную паузу. Поднял левую руку...

Кто-то тяжело вздохнул. Агушин славился своим артистизмом, отчего, видимо, и получил не только прозвище Артист, но и дело убитого продюсера Шлица. Но в столь трудный момент паузы вызывали у коллег раздражение.

– Итак, скажу лишь одно... Только что мне звонил... – снова пауза и уже три вдоха: – Мне звонил сам Президент страны!

В комнате повисла тишина. Слышно было лишь, как в углу тикают огромные напольные часы, подаренные, судя по бронзовой табличке, какими-то благодарными бизнесменами хозяину кабинета за какие-то «бескорыстные усилия по восстановлению справедливости». Агушин наслаждался вниманием и тихо закончил свой монолог:

– Да, друзья. Именно Президент звонил мне лично и советовался. Он верит в наши силы и готов нам помогать. Мы не должны его подвести.

– Кто бы спорил! – не удержался другой «важняк» – Рональд Рональдович Моджис.

Несмотря на молодость и прибалтийские корни, Моджис уже несколько раз выполнял ответственные поручения высшего руководства по расследованию не менее значимых дел. Порою даже с политическим подтекстом. Однако ни разу не встречался и не говорил ни с одним из бывших, а тем более новым Президентом.

«Ревнует», – подумал Агушин и специально для крикнувшего повторил:

– Мы не можем подвести нашего Президента. Я лично выполняю теперь его поручение. Давайте не забывать, для чего мы собрались здесь.

– Давайте, давайте, Геннадий Дмитриевич. А то уже битый час ждем! – снова подначил Моджис.

Агушин сделал вид, что не услышал сарказма, и требовательно оглядел подчиненных.

– Первичные материалы собраны. Нужно их быстро проанализировать и предложить версии. Предлагаю всем высказываться по порядку. Пожалуйста, начнем с вас, Рональд Рональдович! – Следователь улыбнулся и тут же взял ручку и лист бумаги.

Он всегда записывал предложения своих коллег, чтобы на досуге еще и еще раз разобрать и изучить. И порой он выуживал из прозвучавших на очередном совещании выступлений весьма толковые версии. Высказанные вскользь, они часто не замечались, как не заме-

чают игроки в популярной программе «Что? Где? Когда?» прозвучавших верных направлений мысли и даже готовых ответов. Причем сам Агушин выдвигать рабочие версии не умел вовсе, но вот собрать все услышанное, переработать и выдать в качестве своего плана расследования у него получалось изумительно. Так он поступал и сейчас, а тем временем следователь Моджис встал и уверенно начал доклад:

– Очевидно, что версии самоубийства и несчастного случая при обращении с оружием отпадают. Так?

– Так! – согласились все присутствующие.

– Дальше. Судя по роду деятельности, Шлиц имел немалое влияние на весь шоу-бизнес. Так?

– Так! Так! – эхом откликнулись коллеги.

Агушин покривился. Эта привычка Моджиса все время требовать подтверждения его безукоризненным выкладкам всегда его раздражала.

– Основная версия, на мой взгляд, заказное убийство на почве бизнеса. Надо смотреть, с кем он вел дела и с кем поссорился в последнее время.

– Вы предлагаете перелопатить весь отечественный бомонд? – подначил Агушин.

Моджис на мгновение опешил, и было видно – завелся.

– А хоть бы и так! Вон Починок всех их в свое время тряс как грушу и заставлял платить налоги. Так что они теперь наученные. Будут давать показания как миленькие.

– Ну-ну. Вот вам и поручим провести допросы Пугачевой, Кобзона и Ротару, – съязвил Агушин.

– Нет проблем! – зло огрызнулся Моджис и сел.

– Хорошо, – постучал пальцами по столу Агушин, – думаю, что начнем с документов. У Шлица дома и в офисе изъяты все документы по проектам. Предлагаю в соответствии с планом следственных действий работать по всем обозначенным направлениям. Вся информация от оперативников и по конкретным следственным мероприятиям сходится ко мне. Меня назначили руководителем группы, мне и отдуваться. В том числе и перед Президентом.

Агушин вздохнул, многозначительно поднял указательный палец... И в тот же миг в дверь с силой ударили с другой стороны. Все повернулись. Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возник следователь-стажер, которого Агушин отправил осматривать окрестности дома и все мусорные баки. Стажер запыхался, а увидев сразу так много начальников, – ему в его должности все они были командирами, – смутился. И лишь увидев вопросительно глядящего Агушина, ободрился и кивнул:

– Здрасьте! Геннадий Дмитриевич, я к вам.

– Чего ты врываешься как угорелый? – Агушин понимал, что стажер прибежал с какой-то важной вестью, и все-таки рассердился: – Ну! Говори же! Чего молчишь?!

– Ой. Извините! Так это, я же нашел! Нашел! – Он замахал руками и каким-то предметом, упакованным в грязный полиэтиленовый пакет.

– Что ты там нашел? Горе ты мое! А ну, тащи сюда!

Пакет был настолько грязным, что содержимое разглядеть было практически невозможно. Стажер подбежал к Агушину и выложил добычу на стол. Тот аккуратно двумя пальцами поднял его и, сморщившись, посмотрел на визитера:

– Что это? Почему вонь такая?

Пакет был не только запачкан изнутри и снаружи, но и буквально смердел. Аромат тухлой селедки, гнилой картошки и крысиных отходов заставил всех присутствующих схватиться за носовые платки и просто носы, у кого платков не оказалось. По кабинету пронеслось дружное «фффффуууу».

– Ты что? Это что там? Крысадохлая, что ли? – Агушин брезгливо отдернул руки, но стажер отчаянно замотал головой:

– Не-е-ет! Вы что?! Это же... это же... – Он тщетно силился развязать затянувшийся узел целлофанового пакета.

Все морщились, но за манипуляциями новичка следили заворуженно. Еще усилие – и пакет открылся, выдав очередную порцию зловония. Агушин отодвинулся и закашлялся, а стажер восторженно выудил на свет металлический предмет, облепленный неидентифицируемой серо-коричневой густой массой, издававшей нестерпимый запах выгребной ямы и помойки.

Агушин, уже хотевший было выставить мальчишку, устроившего эту вонючую выходку, замер. Он уже разглядел среди этой массы грязи отчетливо выступающую звездочку, а вокруг – характерную сеточку из пересекающихся наклонных линий. Неприятный запах и грязь стали не важны, и Агушин протянул руку и схватил предмет. Быстро оттер своим же носовым платком налипшие объедки и мусор и тут же вскочил на ноги.

– Вот он! – восторженно поднял руководитель следственной группы над головой находку стажера.

– Что это? – устремились к нему взгляды.

– Ну, говори же, Дмитрич!

– Это вроде...

– Что это такое? Покажите ближе!

Агушин торжественно и бережно опустил на середину стола звякнувший металлический предмет:

– Это орудие убийства продюсера Иосифа Шлица. Пистолет системы «ТТ».

Фуфло

Молчание было полным, но недолгим, и уже через мгновение сменилось восторженными возгласами.

- Вот это да!
- Ай да Агушин!
- Молодца стажер! – загалдели сотрудники.

Теперь находку, невзирая на продолжающую разноситься по кабинету вонь, аккуратно по очереди разглядывали все. Даже Моджис не удержался и повертел пистолет в руках, затем безгласно оттерев их платком.

Агушин торжествующе осмотрел гудящих и обсуждающих его везение следователей и вновь возбужденно обратился к ним:

– Кстати, коллеги, чуть было не забыл! Наша дружная реакция на этот вонючий вещдок напомнила мне еще одно важное обстоятельство...

Все напряженно замерли. Теперь, когда Агушин нашел важнейшую улику – пистолет, практически все еще раз поверили в его счастливую звезду и удачу.

– Так вот, старухи-соседки, нашедшие труп, сказали, что он был еще жив и даже говорил с ними.

Следователи возбужденно зашумели:

- Вот те раз!
- Что сказал-то?
- Прямо сказка!
- Может, он и убийцу своего назвал? Адрес, имя? – Моджис попытался поддеть этого не в меру напыщенного Агушина. Но тот отреагировал на последнее замечание спокойно:
- Именно! Да, Рональд Рональдович. Как это ни странно, но он именно назвал своего убийцу!

Агушин торжествовал, а коллеги восхищенно и завистливо глядели на стремительно восходящую звезду Геннадия Дмитриевича.

– Итак, по показаниям свидетельниц Волковой и Новиковой... – он полистал протокол и, отыскав нужное место, зачитал его вслух: – Так, а вот... «Шлиц на вопрос, кто его убил, ответил фразой, которая звучала следующим образом»... – Агушин сложил губы трубочкой, затем растянул их, пытаясь передать точнее эти звуки: – Фффу-уф... Фффы... Фффа... оффф. Вот так описали этот ответ очевидцы. – Агушин вытер рукой забрызганный усердием рот и вопросительно оглядел притихших сотрудников:

– Какие идеи?

Следователи молчали. И только Рональд Моджис нашелся, что сказать:

– Что ж, плодотворно.

Он встал и, прищурившись, посмотрел на Агушина:

– Только предсмертные стоны выдавать за рабочую версию, на мой взгляд, нелепость!

В кабинете повисла тишина. Их противостояние не было секретом ни для кого в комитете. Все ждали, чем же закончится этот разговор.

– Даже так? – поднял брови Агушин.

– Да уж, – развел руками Моджис, – извините, Геннадий Дмитриевич, но из сказанного свидетелями мне приходит на ум только одна ассоциация. Надеюсь, вы не обидитесь? – Он вопросительно и хитро глянул на Агушина. Тот пожал плечами: дескать, мне все равно.

– Так вот, все эти «эф», «уф», «фу» и «оф» складываются в одно хорошо известное всем нам слово, как нельзя более подходящее для характеристики этих «свидетельских» показаний. И название им – ФУФЛО!

Корней

Современное отечественное телевидение немыслимо без целого ряда фамилий известных ответственных лиц, приложивших руку к тому, что мы ежедневно потребляем внутрь. Среди них без труда можно опознать: основателей, создателей, строителей, инвесторов, души-телей, гонителей, цензоров, производителей и, наконец, хозяев. В разное время во всех этих ипостасях с той или иной долей успеха побывал Корней Львович Фрост. Корней, безусловно, был талантлив и одарен от рождения, однако искренне считал, что талант его не смог раскрыться до конца в условиях современной России. Поэтому тайной мечтой телеолигарха оставался проект приобретения или создания какого-нибудь западного телеканала. Он даже попробовал пару лет назад состязаться в покупке суперпопулярного музыкально-развлекательного американского канала МТВ. Но проиграл более богатому и ловкому губернатору Камчатки. В последний год все усилия Фрост, прозванный из-за столь странной фамилии, гигантского телосложения и некоторых черт характера Холодильником, сосредоточил на строительстве «Медиасити».

Этот проект родился сперва в голове, а затем и на бумаге Иосифа Шлица. Понимая, что подобный гигантский проект в области телевидения в одиночку не осилить, Шлиц сделал ставку на сильнейшего в этой сфере. Помимо высокого роста и профессионализма Корней Фрост отличался колоссальным влиянием на нового Президента. Именно поэтому многие вопросы он решал, едва снимая телефонную трубку.

Завистливые наблюдатели кусали до крови губы и не переставали сплетничать, высчитывая, когда же рухнет странный тандем и кто первым кинет партнера. Но вопреки их мрачным прогнозам и несмотря на полное отсутствие доверия между Фростом и Шлицем, дело двигалось. По самым скромным подсчетам вездесущего «Форбса», уже к началу текущего года 5000 гектаров земли, выделенной для возведения нового вещательного и производственного центра, и появившиеся из-под земли остовы будущих телестанций и медиацентров оценивались в 3–4 миллиарда долларов. Условия сделки держались в строжайшей тайне, а акционерные отношения были замаскированы тройной прокладкой из гибралтарских, кипрских и багамских офшорных компаний. Лишь Фрост и Шлиц знали, что, к глубочайшему сожалению Корнея Львовича, ему пришлось довольствоваться какими-то жалкими сорока девятью процентами. В то время как Шлиц обладал пятьюдесятью одним.

Это однопроцентное неравенство служило постоянным фактором раздражения для телемагната Фроста. И вдруг владельца контрольного пакета акций не стало; он был устранен, а Корней мерил огромными шагами свой кабинет в Останкине. В голову лезли самые разные идеи, но все они, как ни странно, сводились к тому, как быстро и незаметно переоформить оставшиеся после гибели продюсера акции на свои подконтрольные компании. По поводу адвокатов, отвечавших за проведение юридических формальностей в этом глобальном проекте, Фрост даже не напрягался. Он давно прикормил исполнителей Шлица, чтобы те снабжали его информацией. Сейчас нужно было только повысить им ставки и взять к себе на работу. Хотя они и были прожорливы, но обладали достаточной квалификацией по работе с офшорами и никогда лишнего не болтали. По крайней мере, бесплатно.

Задумавшись над судьбой «Медиасити», Корней вдруг осознал, что может прибратъ к рукам и остальные проекты убитого Шлица. От такой идеи закружилась голова и пересохло во рту. Помешать могли только два человека: Виктория Медянская, которой, очевидно, сейчас было вовсе не до бизнеса мужа, и Митя Фадеев, правая и одновременно левая рука Иосифа, его карман, кошелек, слуга и ответственный исполнитель. Так называемую «крышу» в лице одиозного цыганского вора-барона Ивана Бессарабского Корней в расчет не принимал. Его «красная крыша» при желании могла в момент разобрать жизнь Бессараба на многочисленные

статьи Уголовного кодекса и избавить его от необходимости платить за квартиру и еду на ближайшие лет десять-пятнадцать.

«И с кого начать?»

Пожалуй, сперва следовало проверить, в каком состоянии пребывает после смерти обожжаемого хозяина Митя. Корней налил холодной воды и бросил в нее дольку лимона, размышляя, как лучше начать разговор. На столе задудел легко опознаваемой мелодией дорогуший мобильный телефон – фетишистский знак удавшейся жизни. Корней не любил звонков по мобильному телефону, а этот номер Фроста вообще знали лишь несколько человек, включая Президента и Шлица. Корней поморщился и на последнем аккорде платинового трубоча ответил:

– Да! Говорите!

– Корней Львович, простите. Здравствуйте!

Этого чуть искаженного телефоном голоса Корней припомнить не мог.

– Ну? Кто это?

Скорее всего, звонил какой-нибудь проходимец, доставший его личный номер у вездесущих папарацци.

– Это Фадеев. Дмитрий. Ну, Митя от Иосифа Шлица...

– Ах, вот как. Да. Здравствуй, Дмитрий.

Корней не верил в телепатию, но был крайне суеверен. Поэтому посчитал такое совпадение на встречном курсе хорошим предзнаменованием. Он и забыл, что этот его номер знает прихлебатель Шлица.

– Вы уже, наверное, знаете про моего босса?

– Да, конечно. Я тебе сочувствую. Жаль, крупный деятель был...

– Да, да. Мне тоже его жаль. Корней Львович, я, может, не вовремя, но у меня вопрос достаточно срочный.

Фрост весь обратился в слух.

– Давай, давай. Чем тебе помочь?

– Я... собственно говоря... ну, в общем, хотел с вами переговорить на предмет возможного сотрудничества... – Митя замялся и умолк, сопя в трубку.

Корней выдержал паузу и довольно холодно переспросил:

– Сотрудничества? Хм. А какое у нас может быть сотрудничество?

– Ну, я имел в виду... работу. Я мог бы работать у вас...

«А ведь тебя припекло!» – подумал Фрост.

– Ах, вот о чем ты. Не знаю... – протянул он и снова сыграл в равнодушного хозяина положения: – А что ты можешь предложить, Дмитрий?

– Я? Я могу. Я ведь все знаю. Ну, как концерт организовать за сутки. Как корпоративы обслужить по высшему классу и такой же цене. У меня вся информация есть по проектам Иосифа Шлица. Да я еще много чего могу... – Митя снова засопел в трубку, и даже через телефонное расстояние чувствовалось, что его кто-то напугал.

«Этот парень готов на все...» – понял Фрост.

Фадеев действительно был готов на многое, ибо теперь, после того что случилось между ним и Бессарабом, возврат к прежнему состоянию стал невозможен. А терять ему, скажем прямо, было что. Помимо очень неплохой зарплаты, шлицевский директор получал регулярные премии и проценты от корпоративов и концертов. И это не считая мелочишки, которая прилипала к его не совсем чистым рукам. Воровать по-крупному Митя считал глупым и бесперспективным занятием, а потому отщипывал остатки, округляя собранные к концу месяца суммы, прежде чем отдать хозяину. Уже несколько лет, после того как восстановились все лопнувшие связи и отношения после дефолта девяносто восьмого года, меньше миллиона баксов в месяц карусель Шлица не приносила. И это чистыми, после всех расчетов с техперсоналом и

певцами. Последним в цепочке стоял сам Шлиц, а перед ним – Митя Фадеев, ожидавший своей очереди. Здесь и появлялась возможность «подкорректировать остатки», и пятнадцать-двадцать тысяч шустрому Фадееву перепало всегда.

Шлиц, возможно, и догадывался о таком «крысятничестве», но закрывал глаза. Хотя бы потому, что в критической ситуации, которая дважды случалась с Иосифом за последние три года, именно Митя мог в считанные часы саккумулировать гигантские наличные средства для своего босса. Естественно, хозяин потом рассчитывался и даже всегда давал премиальные проценты, но услуги такого рода Иосиф ценил. По той же причине он строго отчитал Бессараба, который однажды избил Митю. После чего, вопреки всякой логике, стал ему поручать еще более ответственные проекты и дела.

Почти все это было хорошо известно Фросту, который давно и тщательно собирал информацию на всех своих коллег и конкурентов. На сегодняшний день Корней Львович, пожалуй, обладал наиболее полным досье на всех соратников, противников, врагов и друзей. Последних, кстати, у него практически не было, за исключением любимой собаки – йоркширского терьера по кличке Изя.

Вообще-то он хотел назвать свою собаку Иосиф. Это случилось, когда Шлиц в очередной раз выставил его абсолютным идиотом перед важными политиками, бизнесменами и шоу-тусовкой, перехватив акции в недавно организованном и проданном телеканале. «Вольта-групп» и ее бессменный владелец Марк Фрид поиграл чуть меньше года в телемагната, неудачно продюсируя девичью группу «Ляльки», и решил избавиться от «непрофильного актива». Тут Иосиф и подставил Корнею ножку.

Фрост проглотил обиду, но решил завести собаку, назвать ее Иосифом и расстрелять на даче из именного пистолета «ТТ», подаренного бывшим Президентом за лихо проведенную предвыборную кампанию под лозунгом «Голосуй – не проиграешь!». В итоге Корней Львович приобрел единственного преданного друга – малявку Иоську, которого решил звать искаженно «Изька» или «Изя», чтобы избавиться от навязчивого образа Шлица и забыть про свой жестокий план расправы над несчастным «двойником продюсера».

Все это припомнилось Корнею именно сейчас, потому что пришло время торжествовать победу над проклятым соперником. Поистине мудры и правы китайцы, когда советуют терпеть и ждать. Ждать, пока мимо пронесут труп твоего соперника. Вот и приблизилась скорбная процессия. Он кашлянул и ответил измученному ожиданием и страхом «бессарабской расправы» Мите Фадееву:

– Ну что ж. Ладно, приезжай ко мне через два часа в Останкино. Там и поговорим.

– Спасибо! Спасибо, Корней Львович! Век не забуду. Я правда все буду делать...

Фрост поморщился: «Ага, это вы все так сладко поете вначале. А как забудете, насытитесь – и готовы за спиной меня же и продать. Суки продажные!» А вслух добавил:

– И вот еще что... Дима,хвати-ка все документы твоего бывшего хозяина, пока с ними чего не произошло. Ведь мы же компаньоны с ним были. Негоже, если наше общее дело вдруг пострадает. Неправильно это будет как-то. Понял?

– Все понял. Я все привезу. Все документы в порядке, у меня. Спасибо. Я буду!

Вдова

Квартиру Шлица-Медянской было не узнать. Роскошные интерьеры были прикрыты черной вуалью. Кто-то невидимый и неизвестный – на самом деле подруги Виктории – укутал шкафы, зеркала, диваны, оконные проемы многими метрами этой легкой, как паутина, ткани. Сама Виктория пыталась, насколько это было возможно, отвлечься. Думать о делах, а тем более о скорбных обязанностях вдовы не хотелось, и поэтому все похоронные хлопоты она поручила трем своим еще институтским подругам и теперь лишь ждала положенные дни до похорон и поминок. Она курила. Незанятой рукой перебирала телеканалы на пульте дистанционного управления.

По всем каналам без исключения, как нарочно, первой новостью сообщали о гибели мужа. Даже канал деловых новостей РБК-ТВ и тот откликнулся сюжетом о достижениях Иосифа Шлица в отечественном шоу-бизнесе за последнее десятилетие. Ее мужу удалось создать как минимум три-четыре десятка звезд первой величины, параллельно с реализацией глобальных проектов типа «Медиасити», «Песенной волны» и, конечно же, «Звездного конвейера». Последний проект был особенно отмечен тем, что с него два раза в год сходились свежие выпеченные певцы и певички, которые сразу же отправлялись в туры и так называемые «чесы». Не зря же в течение трех месяцев вся страна была вынуждена следить за их жизнью в телевизионном аквариуме под маркой «реалити-шоу».

Естественно, страна была отлично подготовлена к приему любимых героев затянувшихся телесериалов из бытовой жизни малолетних оболтусов, готовящихся покорять эстрадные подмостки. Конвейер работал бесперебойно и выдавал поколению Next новых и новых кумиров. После перечисления всех проектов диктор вдруг сделал печальное лицо и произнес:

– Мы от души выражаем соболезнование вдове погибшего Иосифа Шлица, Валентине Мединской...

– Вот же придурки! – выругалась Виктория и уже хотела было переключить канал, забывший уточнить имя и фамилию законной супруги продюсера, как вдруг услышала продолжение:

– ...не будем забывать, что на ее плечи помимо тяжкого горя легла и ответственность за незаконченные проекты и распределение наследственных миллиардов...

– Какие еще... – возмутилась Виктория и попыталась вступить с ним в полемику, но тут же услышала своеобразный ответ:

– По подсчетам наших экспертов, состояние погибшего Иосифа Шлица оценивается примерно в пять с половиной миллиардов долларов.

– Да вы что!!! Охренели совсем, козлы!!! – Медянская рванула телефонную трубку, но так и замерла с нею, не набрав никакого номера. Диктор продолжал открывать ей глаза на размеры бизнеса ушедшего от нее мужа:

– Это, конечно же, прежде всего вложения в строительство телевизионного комплекса «Медиасити». Пакет акций радиостанции «Радио Роман» и телеканала «Теле-муз-зон». Но не стоит забывать и про авторские права на произведения, созданные по заказу Шлица, а также сами музыкальные проекты. В стране хорошо известны восходящая звезда «Айя Кисс» и проект «Клим Чук» с Федором Климчуком. Даже по самым пессимистичным прогнозам, их доход составляет около двух миллионов евро ежегодно.

– Откуда они?.. – Медянская уронила пепел сигареты на персидский ковер и даже не шелохнулась, пораженная расторопностью журналистов, которые, казалось, порылись у нее во всех шкафах и тумбочках, разобрав по молекулам бизнес и жизнь ее супруга.

– Еще раз выражаем глубокие соболезнования о безвременной утрате семье Иосифа Шлица.

– Спасибо! Утешили, гады! – зло и тоскливо отозвалась Виктория по другую сторону экрана.

– А мы продолжаем наш выпуск сообщениями с Московской валютной биржи. Курс доллара...

Медянская не глядя ткнула красную кнопку пульта, и экран погас. Виктория задумчиво крутила погасшую сигарету и встревоженно думала о только что услышанном.

Естественно, она не знала точных масштабов бизнеса Иосифа, хотя и предполагала, что станет весьма обеспеченной вдовушкой, но услышанные цифры смутили ее окончательно. «Миллиарды! – крутилось у нее в воспаленном мозгу. Она не могла никак понять, как же теперь поступить с этим безумным богатством. – Позвонить Мите?»

Позвонить Фадееву следовало тем более, что пора было поинтересоваться, когда же он привезет обещанные деньги, ведь девчонки-подружки, не спрашивая с нее никакой платы, за свой счет обеспечили похороны и даже сами выбрали гроб и венки. А Ленка Федорова, жена известного ресторатора, договорилась с мужем о прощальном банкете.

Виктория задумалась. Одних приглашенных набиралось больше ста человек. А остальные наверняка придут на халяву. Иосиф славился тем, что кормил и поил всю тусовку. Стоило ему зайти в какой-нибудь ресторан на деловой обед, и вскоре за его столом гулял весь ресторан набежавших с разных концов города знакомых и незнакомых тружеников сцены и микрофона. Во главе стола, как правило, восседал Кирия Фарфоров с неизменной свитой молоденьких мальчиков. Где-то в середине вкрадчиво шептался Леня Булавкин, придворный модельер, рассказывая очередному гостю последние новости из жизни властей предержащих, которых он обшивал и обштопывал одновременно. На другом конце юморист Вова Голубь рассказывал давно надоевший анекдот, над которым вся тусовка неизменно хохотала, обнажая подспудно новые протезы и отбеленные, исправленные, вставленные, украшенные зубы.

Лишь один человек не смеялся. Иосиф Шлиц лишь делал вид, что ему весело и он поддерживает всю эту блеющую за столом, а иногда и блюющую под ним эстрадную братию. На самом деле он грустил, его душа рвалась в далекие края, он хотел бороздить океаны, писать красивую, как свободные островитянки, волнующую, как робкий рассвет, и веселую, как весенние ручьи, музыку и дарить ее людям. А суждено было «разруливать», «тереть» и «перетирать», а также «разводить» и «разбирать» абсолютно приземленные дела. Вся его жизнь, вместо законов природы, когда-то неуловимо подчинилась законам бизнеса, а точнее, приказам безжалостного командира по имени «Деньги» – командира, что не спит, не ест, всегда начеку и отдает четкие, жестокие команды. Он будет с тобой до тех пор, пока выполняешь его команды, и либо ты ему подчиняешься, либо моментально исключаяешься из многочисленных алчных рядов, рвущихся по его команде в самые опасные операции.

Виктория часто замечала тоску Иосифа и хорошо понимала, что он постепенно становится заложником своего положения, бизнеса, денег и всего окружения. Она не могла ему помочь, сколько ни старалась. И теперь ей предстояло заниматься именно тем, что и погубило ее мужа: разбираться с капиталами, проектами, наследством.

Виктория вздохнула. Помочь мог бы Фадеев, но телефон Мити почему-то молчал – уже вторые сутки после разговора вечером в день убийства. Тишина угнетала, тем более что Иосиф сделал из Медянской настоящую повелительницу, вокруг которой двадцать четыре часа в сутки кружился водоворот шутов и клоунов. К своему статусу Хозяйки Медной Горы она добавила и Королеву Шоу-Бизнеса. Она и была Королевой, ибо могла и повелевать, и приказывать. Но едва продюсер Шлиц, плативший всегда и за всех, ушел, разбежались и придворные.

Панихида

- С Новодевичьим не получилось, Викуля, прости.
- Да уж. Юрий Михайлович отказал. Припомнил какой-то недострой на Пресне.
- Ну, не скажи! Он же потом смягчился и дал местечко на Ваганьковском.
- Спасибо ему и на этом! Все же рядом.
- Но только по коммерческим ставкам. Да и то ничего.

– Ты не волнуйся. Все оплатили, – наперебой шептали с двух сторон Медянской ее верные подружки Юля и Женя, на плечи которых неожиданно свалилась вся забота о похоронах и поминках. Подлец Митя Фадеев совершенно устранился от этого и куда-то исчез.

Удивительно, но они самоотверженно занялись организацией всех скорбных мероприятий и теперь отчитывались вдове. Впрочем, Виктория восприняла это как должное. Сейчас, сидя в Театре эстрады, задрапированном траурными полотнами, она лишь молча кивала и так же молча принимала соболезнования идущих бесконечным потоком людей. Рядом – подруги. Впереди на постаменте – муж в венках и цветах. Справа налево движется вереница знакомых, малознакомых и совсем чужих людей, шедших проститься с великим Шлицем.

Он поистине стал великим в своей профессии. Начав карьеру с заместителя директора единственного клуба-кинотеатра в Жмеринке, Иосиф за двадцать лет покорил всю страну. От него зависели так или иначе сотни и даже тысячи людей. Композиторы, поэты, певцы, прокатчики, режиссеры, журналисты, теле- и радиодейтели, наконец, слушатели и зрители провожали его в последний путь.

Прошла бессмертная примадонна Алла со своим новым увлечением – пародистом Чайкиным. Парочка положила огромный букет желтых роз на пол и, не глядя на вдову, удалилась. Примадонна никогда особо не жаловала Викторию, но со Шлицем сохраняла крепкие деловые отношения.

Иосиф Давыдович, напротив, долго обнимал Медянскую и шептал на ухо слова утешения. Появился и человек, которого она всегда была рада видеть, несмотря на его неуклонную деградацию. Это был первый муж Виктории Медянской – Евгений Кузьмин, в прошлом довольно популярный композитор, давший более двадцати лет назад молоденькой Вике почувствовать вкус божественной жизни. Он пришел без цветов и скромно встал на одно колено перед Викторией:

– Здравствуй, Витоша.

Именно так он называл ее с первого дня знакомства.

– Здравствуй, Кузя, – ответила она ему тем же.

Это было одно из его многочисленных прозвищ. Прежний муж действительно напоминал какого-то сказочного персонажа, вроде домовенка Кузи из одноименного мультфильма. Казалось, что между ними сохранились дружеские отношения. Но это был скорее призрак давно ушедшего чувства, которое ныне сменилось жалостью к невостремованности и одиночеству бывшего когда-то близким человека. Медянская положила руку на голову Кузьмина и слегка поворошила его спутанные длинные волосы. Этот жест не остался незамеченным для окружающих, поэтому она тут же отдернула руку и кивнула:

– Спасибо, Женечка. Приходи помянуть вечером в «Бистро».

– Прости, Витоша...

Кузя опустил голову и поднялся с колена. Он был помят, потрепан и выглядел совсем не респектабельно, но голову и спину держал прямо, – этакий списанный за пьянство тапер-интеллигент. А потом его отодвинули наступающие люди, и он затерялся в людской массе.

Четыре часа шел нескончаемый человеческий поток. Помимо тех, кто прямо или косвенно зависел от продюсера Шлица, в очереди стояли и простые женщины, любившие все, что

создал за свою творческую жизнь Иосиф. Но их слезы были чистыми и искренними. Они восхищались каждым его проектом, находя в нем отзвуки своих несбывшихся ожиданий и надежд, искры давно погасшей в бытовой рутине любви, отблеск романтических чувств, погребенных под детскими пеленками и бельем надоевшего мужа. В их судьбе, как и в искусстве нашей страны, Иосиф Шлиц оставил самый глубокий след.

– Виктория Станиславовна, позвольте передать официальные соболезнования от Президента страны, – почтительно склонив голову, встали перед ней трое рослых мужчин. Один обращался к вдове, двое других держали венок, который сразу же по едва уловимому движению плеча говорившего поставили возле гроба Шлица.

Медянская медленно кивнула, мужчины отошли, и она увидела знакомые хитрые черные глаза-бусинки и роскошную челку во весь лоб. Не узнать это сочетание было невозможно. Леня Булавкин, с некоторых пор ставший придворным модельером, видимо, и организовал это «внимание» высших сфер. Заметив ее взгляд, он быстро подошел, приложился к щеке Виктории и так же молча удалился.

Виктории вдруг пришла мысль, что многие из тех, кто стоял в общей очереди, в отличие от VIP-очереди, готовы были лечь сейчас рядом с покойником или поменять свою жизнь на безвозвратно закатившуюся звезду продюсера. Эстрада, шоу-бизнес, искусство тревожить сердца и души людей действительно понесли невосполнимую в ближайшее десятилетие утрату. А вот для VIP-очереди физический уход Шлица из нашего мира, скорее, стал событием бизнеса, юридически значимым фактом.

Едва подумав об этом, законная наследница Медянская увидела сразу двух адвокатов, которые прошли с цветами и, положив их, на несколько минут задержались в почетном карауле. Это был мэтр Генри Резник и его коллега, считавшийся его же учеником, Артем Павлов. И тот и другой были очень хорошо знакомы с Шлицем. Хотя постоянно ни один, ни другой с ним не работали, но регулярно что-то ему подсказывали. Виктория пару раз принимала их в загородном доме, а Павлов даже приезжал на Лазурный Берег в Антиб, где сразу же после кризиса девяносто восьмого года Иосиф купил за бесценок дом разорившегося олигарха. Он как раз советовался с адвокатом за завтраком, как поступить с наследством отца, умершего тем же летом на Украине в Виннице.

Виктория хорошо запомнила, как размеренно рассказывал Павлов, что-то рисуя на листке бумаги и показывая Иосифу какие-то тексты из Интернета на своем ноутбуке. Шлиц молча кивал, и было заметно, что он доволен. А затем адвокат исчез, и поскольку Иосиф ничего не комментировал и не посвящал жену в свои дела, то и она про него больше не спрашивала.

– Здравствуйте, Виктория. Наши искренние соболезнования. Крепитесь!

– Мы с коллегой всегда очень уважали Иосифа и сожалеем о его смерти. Простите! – дуэтом вывели адвокаты и, чуть поклонившись, отошли.

Виктория заметила боковым зрением, что Павлов скрытно перекрестился.

«Это хорошо, что хоть кто-то просит боженьку за моего Иосю! А то ведь с отпеванием так девчонки и не решили вопрос. Вроде он и не крещен был вовсе. Правда, и иудеем тоже так и не стал. Сколько ни звали в синагогу, даже просто на праздник не приходил...» – пронеслось в голове у Виктории, и она вздрогнула. Иосиф лежал в гробу, но она вдруг остро почувствовала, что он вовсе не умер, а находится совсем рядом и даже как будто смотрит на нее со стороны. Она оглянулась: никого. Только сочувствующие грустные лица.

«Господи... как же я без него?!»

Звонок

Митя спрятался дома у родителей. В минуту опасности ноги, а вернее – колеса его спортивного «Порше» сами принесли Фадеева на окраину города, где он вырос и провел лучшие годы своего детства. Автомобиль он загнал в «ракушку» отца, которая пустовала вот уже два года после смерти родителей, а сам по возможности незаметно проскользнул в подъезд стандартной девятиэтажки спального района столицы. Холодильник был пуст, но и есть не хотелось. Митя налил воды в чайник, поставил на газ и встал у окна, разглядывая двор, в котором когда-то гонял с пацанами шайбу, мяч и девчонок. Деревья, посаженные в скверике двадцать пять лет назад, выросли и доходили уже до пятого этажа, но горка, песочница и теннисный стол остались те же и там же. И все-таки все это было из какого-то параллельного мира; сказка, закончившаяся много лет назад. Даже на скамейке возле песочницы, где любили сживать пацанами, теперь сидел одинокий мужчина.

Фигура его показалась Мите знакомой, но разросшийся вяз скрывал его больше чем наполовину. А потом сидящий на лавочке вдруг поднял голову и посмотрел прямо в Митино окно, приложив руку «козырьком».

Митя похолодел: так делал иногда, в минуты сосредоточенного наблюдения за концертом или выступлением интересовавшего его исполнителя, его шеф, убитый и похороненный накануне Иосиф Давыдович Шлиц. Засвистел закипающий чайник, но Митя так и смотрел на разглядывавшего его окно знакомого незнакомца, и лишь звонок телефона в коридоре вернул Фадеева к реальности.

Митя напрягся: об этой его вечно пустующей квартире не знал практически никто, а звонок не умолкал, словно звонивший точно знал, что квартира не пуста. «Минута, две...» – отсчитывал Фадеев, а звонок требовал и требовал ответа. Митя прошел в коридор, поднял трубку и, изменив голос, по-девчоночьи пискнул:

– Алло!

В ответ послышался треск и щелчки переключаемого соединения, и к нему обратился строгий голос:

– Дмитрий Николаевич! Вас беспокоит следователь следственного комитета при Генеральной прокуратуре Агушин. Вы меня слышите? Алло!

– Д-да... – проямлил Митя и тут же прикусил язык.

Сколько его ни учил наставник Иосиф не спешить с ответом, он никак не мог усвоить эту простую в объяснениях и сложную на практике науку. И сейчас вполне спокойно мог бы повесить трубку и не отвечать. Нет же, дернула его нелегкая не только трубу поднять, но и вякать что-то, да еще и признаться. Он яростно сорвал бейсболку и швырнул ее в дальний конец коридора. Следователь же продолжал говорить:

– Вот и хорошо. Я предлагаю вам незамедлительно прибыть к нам на беседу. Считайте это официальным вызовом.

Тон следователя отбрасывал всякие сомнения в том, что собеседник обязан не только «прибыть», но и дать показания на всех, кого знает и когда-либо встречал. Но и Митя, как следовало из финальной сцены его общения с Бессарабом в день убийства, иногда проявлял чудеса храбрости.

– А как я могу проверить, что вы и правда следователь, а не самозванец?

Митя и сам удивился своей наглости. В ответ телефон затрещал, а затем кто-то сильно в него дунул:

– Ффффуу! Алло! Слышите меня?

– Ну, слышу, – совсем распустился Митя.

– Так вот, я предлагаю вам прямо сейчас, незамедлительно приехать ко мне в управление. Адрес сейчас продиктует мой секретарь. Там и убедитесь, что я и есть тот, кем представился. Мой совет – не откладывайте визит. Поторопитесь! Вы ведь свидетель... Пока!

Это последнее слово «пока» как-то отбило охоту переспрашивать, и все то время, как секретарь диктовала адрес следственного управления, находящегося где-то в районе Бауманки, Митя раздумывал, что имел в виду следователь под этим словечком. Наивно было считать, что он таким образом попрощался с ним по-свойски. Выходило, что это «пока» обозначало то недолгое время, в течение которого Фадеев Дмитрий Николаевич будет считаться свидетелем по делу об убийстве Иосифа Шлица. А если это «пока» пройдет слишком быстро...

Митя вздохнул. Он знал, что следователи тоже иногда выступают в роли волшебников: злых, которые обвиняют и сажают людей, и добрых, которые отпускают невиновных и прекращают дела. Поди теперь отгадай, в кого нынче играют в прокуратуре.

Митя дописал адрес, попрощался с писклявой секретаршей и устало опустился на стул. Только сейчас он заметил, что беспомощный чайник выдул через свой носик-свисток весь пар и теперь трещит от плавающей его газовой горелки. Фадеев, спасая чайник, закрыл газ, посмотрел на него тоскливо и выругался:

– Толку от тебя – ноль! Ни чаю, ни музыки! Ни душе, ни сердцу! Тьфу!

Вернулся в коридор, подобрал свою кепку-бейсболку, натянул ее поглубже и поспешил появиться перед ясными очами следователя Агушина в качестве добровольно явившегося свидетеля, а не доставленного с конвоем подозреваемого, а заодно чтобы взглянуть на странную фигуру под вязом возле песочницы. Но как ни спешил генеральный директор бизнес-структур Шлица, а все же опоздал. Лавка во дворе возле песочницы была пуста...

Клим

– Нельзя! У него люди! Вы опоздали.

Секретарша, голос которой, несмотря на некоторую писклявость, показался Фадееву по телефону вполне привлекательным, в жизни была еще симпатичнее, но одновременно и вреднее. Она не то чтобы была строга к посетителям, нет! Она просто их ненавидела, так как была твердо убеждена, что на допросы к ее шефу приходят и приводят лишь законченных мерзавцев и негодяев.

Некоторые основания для таких убеждений были. Несмотря на молодость, она работала в системе прокурорского следствия почти десять лет и даже видела, как в свое время сюда приходил «в качестве свидетеля» ныне невыездной в страну медиаолигарх Гусинский, а потом и как его вывели под белы ручки прямоком в Бутырку. После побывал здесь и нефтяной узник Ходорковский, и многие, многие другие. Естественно, на такую мелочь, как Митя Фадеев, несмотря на все его заслуги в сфере шоу-бизнеса, она даже не стала особо тратить сил и времени. Да она и не смогла бы опознать в этом тощем шкете генерального директора компании, под крылом которой выросли и взошли на эстрадном небосклоне все ее любимые певички и певуны. Так что, пока она морщила носик, губки и брови, Митя топтался посреди приемной.

– Извините, я честно торопился, – попытался он оправдаться. В тот же миг у него зазвонил третий мобильный телефон, и секретарша сердито зашипела:

– Тише тут! Это вам не переговорный пункт, а следственный комитет! Говорите в коридоре!

Митя с виноватым видом шмыгнул к двери. Он твердо решил «сруливать» от Медянской и Бессараба, а потому отключил все телефоны, кроме того, что держал исключительно для разговоров с певцами.

– Кто это? – еще не закрыв двери, прошипел он.

– Але, Митяй, приветик! Это Клим. Клим Чук. Че, не просек?

– Ага. Салют, Клим! Слушай, ты был на похоронах?

– Не-а! Мне не в кайф. Я пахана запомнил живым и здоровым. Мне его в гробу видеть – как серпом по одному месту. Я так его помянул с пацанами. Тут Проша, Ксюнчик, Цецил. Я вот чего звоню-то. Слышь, Митяй, я, типа, больше не работаю...

Фадеев обмер:

– Клим, ты чего? Как не работаешь? погоди! Ты чего, серьезно?

– Ну! Блин, куда серьезнее. Иосича нет? Нет! Он мне был как мама-папа. Сечешь? Теперь я сам по себе. Короче, край. Закончили совместный бизнес.

Митя заволновался:

– Ты погоди, погоди, Климчик. Давай перетрем этот вопросик. Не по телефону. Там же двенадцать корпоративов, клубы, три концерта... Куча выступлений запланирована. Клиенты же порвут меня на фашистский знак! Ты чего?

– Слышь, Митяй, а ты вали все на Шлица. Ему все одно теперь по барабану. Ну, типа, Шлиц откинулся и нам ничего не оставил. А мы за него не в ответе. Какой базар?

Фадеев утер взмокший лоб рукавом.

– Климуса, я тебя умоляю. Я же живой! Меня и так достают по поводу дня рождения Алимджана. Там крутая вечеринка. Гостей полторы тысячи. Они тебя ждут. Ты же знал за полгода и обещал Иосифу.

– Слышь, Фадееч! Ты на меня не дави! Я теперь свободен, – хохотнул артист и пропел на манер известного хита: «Ай эм фри-и-и. Лайк э рива-а-а!»

– А контракт? – напомнил Фадеев, но он уже понимал: этого зарвавшегося молокососа не вернуть.

– Слышь, засунь его себе в анус! Понял? Я никому не обязан. У меня другие на кон тракты и планы. Я вообще уезжаю в Штаты.

Митя разозлился:

– Какие планы?! Какие Штаты?! Ты что, обкурился?!

Полученный от самого раскрученного, выращенного Шлицем певца отказ выступить означал не просто срыв контракта и возможные разборки с весьма неслабыми авторитетами Алимджана. Это означало, что Клим Чук, а в простой жизни, о которой он уже давно позабыл, просто Федя Климчук поднял бунт на тонущем корабле.

«Так... перспектива самая плачевная, – лихорадочно соображал Митя, – подобьет всех марионеток из театра Карабаса-Шлица «делать ноги», а сам загнется где-нибудь от очередного передоза!»

Так оно и было. Шлиц много лет боролся за спасение не только Климчука, но и других любителей «взбодриться косячком», «пробежать по дорожкам» и «лизнуть бумажку». Он категорически запрещал употребление любых наркотиков и дури. А тех, кто не слушался, отправлял или на принудительное лечение, или на улицу. Исключение делал лишь для Климчука, да и то, видимо, зря.

«Вот же сука! Гнида!» – кусая губы, думал Митя и отчаянно придумывал хоть какие-то аргументы.

Впрочем, он сам же знал: бесполезно. Видимо, кто-то, кроме «герыча» и «кокса», уже поработал над сознанием Клим Чук: воспользовался моментом и перехватил удачный проект Иосифа Шлица, оставшийся на пару дней без хозяйского присмотра.

«Что же делать?!»

Митя регулярно получал долю от всех выступлений Клим – хоть и небольшой, но все же приработок. Тем более что Клим Чук отличался колоссальной работоспособностью и давал по два-три корпоратива за вечер. Только от его «чеса», подогретого круглосуточно вертящимися клипами, песнями и рекламой, выручка зашкаливала под миллион в месяц.

– Клим! Подожди, Клим!

Но телефон уже отвечал голосом девушки-робота:

– Связь с данным абонентом прервалась. Попробуйте позвонить позднее.

Фадеев снова набрал простой номер Клим Чук, состоящий из двоек и единиц, но тот уже вышел из игры, бизнеса и эфирного пространства:

– Абонент находится вне зоны действия сети...

Митины мучения прервал голос секретарши следственного управления:

– Фадеев! Пройдите! Куда вы пропали?

– Да-да, иду.

Обескураженный Митя в два шага оказался в приемной, и на этот раз секретарша смотрела на него как-то странно: строго, но вместе с тем с интересом.

– Скажите, Фадеев, а что, это действительно был Клим Чук? – понизив голос, поинтересовалась она. – Ну, тот, с которым вы там в коридоре по телефону кричали.

Ее глаза светились хорошо знакомым Фадееву фанатическим любопытством.

– Да. А что?

– А вы могли бы мне билет достать на его концерт шестнадцатого? Через неделю? – Ее глаза теперь уже полыхали безумным идолопоклонническим огнем.

«О, боже ты мой! Вот же дура! Идиотка-фанатичка! И эта туда же!» – не сказал, а прокричал Митя. Правда, голоса его никто не услышал. Ведь кричал не он сам, а его внутреннее «я». А вслух, тяжело вздохнув, он ответил иное:

– Мог бы.

Он опустился на неудобный скрипучий стул и уставился в какой-то глупый плакат с призывом бороться с коррупцией. Секретарша, неправильно поняв сослагательное наклонение в ответе Мити, продолжила атаку:

– Тогда два!

Секретарша ждала ответа. Ей во что бы то ни стало нужно было попасть на концерт обожаемого Клим Чуга и притащить с собой подружку Катю, которая гордилась тем, что когда-то этот милый смазливый мальчик-певец расписался фломастером ей прямо на сиськах. Но ответа она так и не получила, впрочем, так же как и билетов, поскольку именно в этот миг дверь кабинета с табличкой «Ст. следователь по ОВД СК ГП РФ Г.Д.Агушин» с силой распахнулась, и на пороге возник Иван Бессараб собственной персоной. На лбу его красовалась красная шишка, а ухо было заклеено пластырем. Видимо, Митя со страху чуть его не оторвал, когда разил громилу, не глядя, бейсбольной битой. Бессараб открыл рот и выпучил глаза, и Митя сделал прямо противоположное: стиснул зубы и зажмурил глаза.

Допрос

– А-а! Фадеев? – окликнули застывшего Митю из глубины кабинета.

Фадеев открыл глаза и, не глядя на свирепо вращающего глазищами Бессараба, не отвечая открывшей рот секретарше, пролетел в кабинет. И только здесь он остановился и, глядя на Агушина как на Спасителя, отрапортовал:

– Я! Прибыл, тов... гражданин следователь.

– Ух ты! Гражданин? Ну, садись, то есть присаживайся, Фадеев.

– Есть. Спасибо. – Митя плюхнулся на стул одновременно со стуком спасительной двери, оставившей снаружи и бандюгу Ивана, и разочарованную секретаршу.

– Откуда такой опыт? – поинтересовался Агушин, пристально разглядывая попавшего в длинный список подозреваемых – и из-за денежных вопросов, и в связи с наличием пресловутой буквы «ф» в фамилии – директора.

– Какой опыт? – не понял вопроса Митя, обрадованный встречей с Агушиным гораздо больше, чем с Бессарабом. Для него этот сухопарый, с оспинами на ввалившихся щеках следователь сейчас был роднее всех на свете. Ведь он, возможно, спас ему жизнь. Ну, уж здоровье, по меньшей мере, точно!

В ответ на глупую Митину улыбку улыбнулся и Агушин:

– Да обращаетесь вы, Дмитрий Николаевич, ко мне: «гражданин». Просто-таки тертый зэк, а не свидетель. Чалился? Сколько ходок?

– Что? – Митя перестал улыбаться. Он не понимал, чего от него добивается человек, только что вырвавший его из лап кровожадного людоеда Ваньки Бессараба.

– Все понятно. Диагноз налицо. Имеет место случай перекоса сознания. Короче, расслабьтесь, «гражданин»! – передразнил его Агушин и заклацал что-то на компьютере.

Митя пожал плечами и послушно расслабился. Он никогда не был у следователя на допросах, но ему это сейчас и не казалось чем-то ужасным.

Агушин оторвал взгляд от клавиатуры.

– Давайте по порядку. Я сейчас задам всякие дежурные вопросы. Ну, кто, что, где родился, учился, женился и тэ пэ. А потом уже по существу вы мне все расскажете про бизнес погибшего Иосифа Шлица. Идет?

Агушин наклонился через стол и пристально посмотрел под надвинутый козырек Митиной бейсболки. Козырек утвердительно качнулся вверх-вниз:

– Ага! Идет. Мне, в общем-то, скрывать нечего. Я же в него не стрелял. Я не убийца...

– А кто вам сказал, что в Шлица стреляли? – глаза следователя уставились еще пристальнее на пространство под козырьком Фадеева. Тот дрогнул. Он не понимал, к чему клонит этот худой мужик с немигающим взглядом.

– Я не знаю... А разве его не того... Я вообще ничего не знаю...

Митя вдруг понял, что, возможно, встреча с Бессарабом была и не такой уж опасной. В конце концов, даже в самом худшем случае он отделялся синяками, но оставался на свободе. А этот удав, пожалуй, может проглотить и не подавиться. Может арестовать чуть ли не на неделю, а может и вовсе закатать по полной программе. У них, кажется, принято, как это называется, «навешивать статьи».

«Вот же влип! Идиот! Надо было не брать телефонную трубку!»

У Мити отчаянно заныл живот, и захотелось в туалет. Он посмотрел на по-прежнему гипнотизирующего его следователя и понял, что скорее придется обделаться прямо в штаны, чем этот василиск отпустит его по нужде на толчок. Пришлось сдаваться:

– Если вы считаете, что это я его... ну... застрелил, то есть убил, то давайте – арестовывайте...

Тут Митя и заплакал. Нервы не выдержали. Гибель Шлица, разговор с Медянской, бегство и неожиданная встреча с Бессарабом, разговор с Фростом и предательство памяти шефа, измена Клима Чука – все это было тяжким испытанием для психики Мити Фадеева. Да, в шоу-бизнесе Митя мог развести и обвести кого угодно, особенно когда за спиной стоял могущественный Шлиц. Теперь же Митя был как букашка на Московской кольцевой трассе: куда ни дернись – раздавят. А взлететь – крылья не выросли.

– Факты и свидетели говорят против вас... – следовательно пригвоздил взглядом окончательно раздавленного Митю.

– Ккк-то? Кк-какк-кие свидетели? – неожиданно для себя самого стал заикаться Фадеев.

– А вот хотя бы этот, что вышел перед вами. Иван Иванович Бессарабский.

– Бессс-сараб???

– Так вот он прямо говорит, что... – Агушин достал какую-то бумагу и зачитал: – Так, ага, вот... «финансовыми делами занимался Фадеев Дмитрий, доверенное лицо убитого продюсера Иосифа Шлица...» Правильно?

– Ддд-да. Пппрр-равильно.

– Далее... «Считаю, что именно Фадеев мог быть прямо заинтересован в том, чтобы Шлиц погиб...» И еще... «Я допускаю, что Дмитрий Фадеев не отдавал всех денег своему начальнику, а утаивал их. И, боясь разоблачения, мог пойти на крайние меры...»

Фадеев обмер, но Агушин еще не закончил.

– Здесь я уточнил, спросив его: «На какие именно крайние меры?» Он ответил: «Вплоть до физического устранения».

Фадеев впал в ступор, и Агушин продолжил методично на него давить. Естественно, он опасался, что Фадеев сообразит: Бессараб, не имеющий даже среднего образования, просто не в силах произнести словосочетание «вплоть до физического устранения». В лучшем случае он мог сказать «грохнуть». Но Митя подвоха не усек и продолжил опускаться – все ниже и ниже, а потом вдруг неожиданно сморщился, встряхнул головой так, что даже бейсболка слетела, и вытаращил глаза:

– Ффу! Я все скажу. Только... можно... – Он замялся.

Агушин собрался в комок.

– Что? Что надо? Говори!

Сейчас он готов был пойти на любую сделку – с Уголовным кодексом, Конституцией, законом и просто совестью. Ему нужен был убийца! Кровь из носа и всех щелей! Президент не может ждать, пока его верные вассалы проводят следствие. Нужен результат – любой ценой!

– Ну же, – поторопил он Митю, – говори, что нужно!

– Мне бы... воды стаканчик... Можно?

Соболезнования

Вход для «простых смертных» для прощания закрыли. VIP-поток почти иссяк. В этот момент и появились основные компаньоны Иосифа: Роман Ротман, Корней Фрост и Гарик Бестофф. Они, не сговариваясь, пришли проститься с Иосифом последними, именно в тот момент, когда журналистов попросили удалиться, а народный людской поток принудительно иссяк.

Компаньоны покойного продюсера давно уже не здоровались, так как мастерскими усилиями Иосифа, который был первоклассным специалистом по интригам и хитроумным комбинациям, они считались врагами. Они и были врагами... но не настолько, чтобы не использовать момент, когда их общий и самый страшный враг вдруг освободил пространство для раздела сфер влияния. Мало того, каждый из них был компаньоном погибшего в различных проектах. Радиомангнат Роман Ротман владел самой популярной станцией «Радио Роман», или сокращенно «РР». Причем эмблема радио состояла из двух букв «ф», зеркально отражающихся одна в другой, и выглядела, скорее, как большая, жирная «эф». Корней Фрост имел обширные интересы: кроме того, что долгие годы руководил федеральным телеканалом и запускал бесконечные «Звездные конвейеры», сперва с помощью Шлица, а затем и в одиночку, по-прежнему вкладывал деньги в их совместное строительство «Медиасити», сокращенно отмечаемого в блокнотике личных доходов и расходов как «МС». Оба подошли к Медянской с двух сторон и наклонились к ее рукам: Фрост поцеловал правую, а Ротман – левую.

– Здравствуй, Виктория. Скорбный день. Жаль Иосифа. – Корней задержал чуть дольше ее руку и скосил глаза на Романа. Тот не отставал:

– Вик, ну ты держись! Слышь?! Если чего, поможем. – Он тоже покосился на Фроста и тут же спешно добавил: – Я тебе всегда готов помочь. Звони.

– Спасибо, господа, – поблагодарила вдова.

Медянская знала цену этим обещаниям и словам самых коварных и непримиримых противников ее мужа. Она освободила руки и положила их на колени своим подругам. Те, не сговариваясь, молча, протерли их – каждая своим платочком. Ну а Романа и Корнея тут же отодвинул коренастый жгучий брюнет, похожий на Антонио Бандераса. Гарик Бестофф, который по паспорту именовался Игорем Луцинским, с юности боролся с обидными прозвищами вроде Луша, Лушка и Луценук. Поэтому, как только он достиг совершеннолетия, то первым делом поменял опостылевшую фамилию на английский аналог Бестофф. Сперва он объяснял, что Луцинский происходит от Лучший-Лучшинский. Затем перестали спрашивать. А потом он перебрался из Караганды в Москву и с тех пор уже никому и ничего не объяснял.

Сегодня Гарик владел самым раскрученным в городе клубом «Гоголефф», который на самом деле писался как «Го-Го-лев». Но тусовке больше нравилось считать Гарика потомком великого Николая Васильевича, при этом абсолютное большинство посетителей и завсегдатаев клуба были уверены, что писатель носил именно эту фамилию – Гоголев. Однако все было прозаичнее: три года существования развлекательного центра вылились в борьбу за название, и в итоге вывеску «Го-Го-лев» заменили на «Гоголефф». Мудрый Гарик только выиграл от ребрендинга, а клуб стал еще популярнее.

Так казалось непосвященным. Но даже Виктория знала, сколько сил и времени, не считая денег, вложил в этот клуб ее Иосиф. Он загорелся идеей собственного клуба очень давно, но не хотел делать этого явно. Именно поэтому два года назад, используя удачный момент, когда Гарик в очередной раз продул крупную сумму в казино и погорел на неудачном инвестировании добычи марганца в горах Зимбабве, Шлиц выкупил у него шестьдесят процентов акций клуба. Да, официально Гарик оставался владельцем, но один короткий документ – расписка! – подтверждал, что по первому требованию Гарик Бестофф обязан передать Иосифу

Шлицу оплаченную тогда-то, в таком-то размере долю в шестьдесят процентов всех активов клуба. Тогда же Иосиф и задумался над переименованием. Что и произошло под давлением народных масс, гуляющих в «Гоголеффе».

– Виктория Станиславовна, я скорблю вместе с вами. Великий человек – великое горе. В любой момент, по любому поводу. Днем и ночью. Я всегда к вашим услугам, – Гарик склонился, но руку не поцеловал.

– Спасибо. – Медянская ответила кивком, а подруги, открыв рты, разглядывали этого красавца-мачо. А он наклонился еще ниже, к самому уху Виктории, и аккуратно вложил в ее руку плотный конверт:

– Это я не успел передать Иосифу. Умоляю, примите. Я чту долг чести.

Виктория даже не успела отреагировать, а Гарик уже отошел от нее. Повернулся к гробу и, склонившись над недвижимым Иосифом, трижды поцеловал его в лоб. Ротман и Фрост скрикнули. Девушки тихонько ахнули. Прощание закончилось. Иосиф, словно восковой манекен, улыбался нарисованной улыбкой.

Раскрутка

Агушин подготовился к допросам свидетелей основательно. Он даже достал словарь и прочитал статью «Продюсер».

– От английского producer (лат. producere) – производить, создавать, – бормотал он под нос, – в капиталистических странах, то есть, теперь и у нас, продюсер – доверенное лицо кино- или телекомпании, театрально-концертной организации, осуществляющее идейно-художественный и организационно-финансовый контроль за постановкой фильма, спектакля, организацией концертов...

Выглядело определение сложновато. С ходу и не понять.

– Иногда продюсер сам является режиссером-постановщиком, – продолжил он, – продюсер – лицо, непосредственно руководящее и участвующее в эксплуатации труда наемных актеров, артистов и других работников искусства. Продюсер, как правило, несправедливо осуществляет распределение денежных средств, заработанных творческим трудом других лиц.

Ну, то, что несправедливо, было понятно. По марксизму-ленинизму у Агушина всегда стояла оценка «отлично». Но вот несправедливость эта творилась руками таких, как шлицевский директор Митя Фадеев, и слезать с него, пока Фадеев не расскажет всего, Агушин не собирался.

– А вот теперь давай по порядку. Рассказывай, Дмитрий, с кем у Шлица были последнее время конфликты? – Агушин уже отработал «плохим полицейским» и теперь успокаивал это оружие капитализма.

Тот выпил услужливо поданный следователем стакан безвкусной воды и икнул:

– Ой! Простите. Я затрудняюсь точно сказать... – и тут же увидел, как Агушин сжимает огромный костлявый кулак. – Нет-нет! Я в другом смысле, тов... гражд... господин следователь. Я имел в виду, что затрудняюсь сказать, с кем у Иосифа Давыдовича не было конфликтов последнее время.

– Вот как?

– Да-да. С ним... а точнее... скорее, он сам перессорился со всеми крупными продюсерами, производителями, радийщиками, телевизионщиками. – Митя вздохнул; к сожалению, он говорил правду: Иосиф умудрился поссориться даже с безобидной «голубой тусовкой» и их кумирами-певцами.

– Очень интересно... – беспрерывно записывал за ним Агушин.

Он думал, что очень правильно поступил с этим мальчишкой, не дав ему даже опомниться и толком не объяснив, что даже в качестве свидетеля он может пользоваться помощью адвоката. Сейчас третий, как никогда, мог стать лишним. Что касается сведений о ссоре с «голубыми», то здесь следователь, как хороший охотничий пес, взял след. Он знал, насколько мстительными бывают обиженные представители однополой любви. Взять хотя бы убийство Джанни Версаче и последний случай с «энтэвэшным» парнем, которого любовничек замочил прямо на квартире. Геннадий Дмитриевич вел это дело и нашел-таки убийцу, который к тому времени уже сбежал в Молдавию. Вот и здесь версии «неразделенной любви и доходов» плотно переплетались и требовали тщательной проработки.

– Ну, я уж не говорю о постоянных разборках с заказчиками, – вздохнул Фадеев.

– С заказчиками? – переспросил Агушин; он впервые вел дело, связанное с шоу-бизнесом, а потому только осваивал все понятия и сленг.

– Ну, с теми, кто, типа, заказывает вечеринку, корпоратив.

– Корпоратив... – повторил Агушин и записал еще одно новое слово в блокнот.

– Да, корпоратив. Они же всегда как? Заказывают там, скажем, Алсу, Маликова, Пьеху...

– Эдиту Станиславовну? – неподдельно изумился Агушин; для него стало откровением, что его любимую певицу детства вызывают какие-то скандальные заказчики на еще более странные «корпоративы».

Фадеев замахал руками:

– Эдита? Нее-е-ет! Вы что? Кому она упала на корпоративах? Всем нужен Стас, ее внук. Без этого ни один девичник не пройдет. Все телки от него пищат! – Митя выдавил что-то наподобие улыбки, и Агушин тут же записал в блокнотик: «кому упала» и «телки пищат».

– И что же внук?

– Да с внуком все в порядке. А вот заказчик иногда начинает быковать.

– В смысле? – переспросил Геннадий Дмитриевич.

– Ну, типа, я бабки плачу, я и музыку заказываю.

Агушин сделал наивное лицо.

– А разве не так?

– Ха! – покачал головой Митя. – В том-то и вся хрень! Бабки заказчика, а музыка наша. И репертуар строго определен. Босс сам под контролем держал.

– Так уж прям? – усомнился Агушин. – Если каждый кор-по-ра-тив контролировать, то и времени не останется для других дел.

– Это, конечно, да, – закивал Фадеев, – но он не то чтобы все-все контролировал, но был в курсе. Особенно, когда заказчик предъявы выкатывал. Типа, мало отработали. Спел не 10, а 9 песен. Или там подписывался на столе у именинницы станцевать, а сам только вокруг хороводил. Или еще Киря что-нибудь отмочит.

– Кто это «Киря»? – тут же заинтересовался Агушин.

– Да Фарфоров Кирилл. Он же гений! Как-никак с самой Примадонной жил десять лет. И без нее не пропал назло тусовке. Так у него, как великого артиста, вечно заморочки. То астрологический прогноз не тот, то голос бережет для «Евровидения», то диета специальная, а то лимузин короче, чем у Элтона Джона.

– А какое это имеет значение? – искренне удивился следователь.

– Что? Прогноз или диета?

– Нет. Лимузин этого, как его, Джона.

Митя покачал головой и, наконец, подобрал с пола бейсболку. Этот ответственный прокурорский работник был совершенно незнаком со стандартами «звездной» жизни. Нацепив бейсболку на прежнее место, он со вздохом пояснил:

– Вот и я так считаю, господин следователь. Но только Кире Фарфорову этого не объяснить и не доказать. Если у Элтона Джона и Мадонны белый «Хаммер», то и у Кири должен быть такой же. Если они в гастроли – на «Фантоме», то и он на таком же. А не дашь – сразу обида, истерика. Помните, как он орал на прессухе? «Я вам звезда или п... «выпал из гнезда», – Фадеев хихикнул. – Ну, сами понимаете кто.

– М-да. Помню. Ну и нравы у вас. А с виду вроде искусство. – Агушин перевернул бланк допроса. Он записывал рассказ Мити выборочно, и все равно получалось много.

– Не, ну это частности. Неполадки в пробирной палатке. А так – нормально. Бизнес не хуже других. Не отправлять же Кирю на стройку. Ха-ха.

– Может, и следовало бы, – хмыкнул себе под нос Агушин, и тут же собрался. – Ну да ладно. А что же все-таки с претензиями этих заказчиков? И кто они такие?

– Да, там лимон всяких левых косяков накидают, – отмахнулся Фадеев. – Редко кто всем доволен. Они же жлобы. Бабки заработали, а потратить с умом не могут. В тусовку пробиться тоже не получается. Там любят щедрых. Чтоб телочкам колечки, брюлики дарили; певцам – спонсорские. А эти – только по смете. «Привезите этого и этого!» И дрожат в ожидании, пока не увидят вживую Клима Чука или того же Кирю, аж усираются от нетерпения. А послушают, потрогают – кажется, типа, приобщились. Ничего особенного. Люди и люди. Типа, и сами так

можем. – Митя совсем расслабился и уже, не заикаясь, без остановки шпарил про всю концертную кухню.

– И что же дальше?

– А дальше начинают выживать: это не так, то не эдак. Вот по всем этим наездам Иосиф Давыдович сам и разбирался. Ну, когда попроще было или Шлиц в отъезде, Иван подкатывал. Хотя у Шлица все одно лучше складывалось. Он гений терок, ну, в смысле, переговоров.

– А кто еще высказывал недовольство или претензии предъявлял? – Агушину нужна была конкретика: имена, фамилии, должности, явки.

– Ой, да они все цеплялись. Каждый по-своему. От Проторова и Фрида до Алимджана и Фарутдина. Корпоративы-то и вечеринки у всех. Без нас, то есть без номеров, не получится.

Следователь быстро записал имена олигархов, особенно отметив тех, кто имел несчастье связать свою фамилию с уже упомянутой буквой «ф».

– Скажите, Дмитрий, а какие активы остались после Шлица?

Митя замер: вопрос был слишком конкретен, чтобы пуститься в рассуждения о нелегкой судьбе устроителя вечеринок.

– Ну? – напомнил о себе Агушин, и голос его был холоден и жесток.

АКТИВЫ

Митя понял, что придется отвечать, а потому сразу начал тянуть время – просто чтобы собраться с мыслями.

– Так сразу всего и не перечислить.

– Ну, уж постарайтесь!

– Я не отказываюсь... тут другое... – Митя замялся; он давно понимал, что уже наговорил лишнего, но следователь снова стиснул кулак.

– Гражд... господин Фадеев! Чем откровеннее вы мне обо всем расскажете, тем меньше подозрений у меня возникнет в отношении вас. А то ведь я могу действовать по-другому. Хотите?

– Нет! – резво взвился Митя.

– Я ведь могу считать, что отсутствие у вас судимости вовсе не ваша заслуга, а просто наша недоработка...

– Ой! – вырвалось у Фадеева.

– А могу вспомнить и про Конституцию. Про презумпцию невиновности. Никто не должен считаться виновным, пока вина не будет доказана в соответствии с действующим законом и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда, – чуть переиначив, но почти слово в слово повторил Агушин конституционную норму.

– Так лучше. Да я и не отказываюсь. Тут другое. Понимаете, Иосиф Давыдович не очень верил во всякие юридические документы.

– Это почему же?

– Ну, он говорил, что, мол, у закона души нет. Вот и не верил. Бумаги подписывал в самом крайнем случае. В основном все на руках решал.

– Как это «на руках»?

– Ну, встретились, договорились, руки пожали. Все. Диил!

– Что? – снова не понял следователь.

– «Диил». Это значит по-американски «сделка». То есть «по рукам», «договорились». Ну и никаких бумаг не надо. Я же говорю, он им не доверял. Потому и адвоката у нас толком не было. Пару раз обращались к Резнику да Павлову.

– И что же? – заинтересованно напрягся Агушин; он умышленно обошел вопрос адвокатской помощи в начале допроса, но знать об этом считал важным.

– А ничего. Какой нормальный адвокат возьмется за дело, если никаких документов нет? Давыдыч втолковывал им, что «этот слово дал», «тот за слова отвечает», а этот вообще «не по понятиям». Но толку – ноль!

– А что... так все ведут бизнес в вашей сфере?

Фадеев с сомнением покачал головой:

– За всех не буду врать. Но у Иосифа Давыдовича так чаще всего и бывало. Потому и не могу я всего сейчас сказать и наверняка чего-то не знаю.

– А из того, что знаешь?

– По певцам сказать могу. Клим Чук, Айя Кисс – из последних. Группа «Вице-президент», «Ляльки» – это уже давние. Но тут как раз исключение. Все бумаги Шлиц подписывал.

Агушин снова удивился:

– Это почему же так?

– Очень просто. Они же когда бесхозные-бездомные, чмошные, короче, приползают к продюсеру, то все как один скулят. Готовы отдать по беспределу.

– Что это значит?

– Ну, они никто. Не то что звезды, а вообще ни-кто! Пустое место. Таких в любой сельской музыкалке сотни. А продюсер может из каждого более-менее артиста сделать. Только ему это ни с какого боку не упало. А им – мечта! Так за эту мечту они готовы хоть в постель, хоть в прорубь.

При слове «постель» глаза Агушина засветились. Он был не чужд плотских радостей и сплетен.

– И что же продюсер?

– По-разному. – Митя поморщился. – Отдаться-то все хотят, только что потом с ними делать? Мы же их не в путаны готовим, а в артисты. А артист все же должен иметь талант.

– Ну, а как вот эти... которых ты называл? Клим Чук, Айя Кисс?

– А-а-а. Клим сам прибился в «Гоголеффе», ночном клубе, два года назад. Он там снимался...

– В фильме?

– Ха! Если бы! Снимался – в смысле, кто бы его снял на... вечер или ночь. Как получится, – ехидно пояснил Митя, вспомнив недавний разговор и наглые ответы того, кто недавно на роль выше клубной потаскухи не претендовал.

– И что же Шлиц? Снял его? – Агушин все же ждал скабрезных подробностей.

– Не-е-е. Он на него и не смотрел даже. Так тот увидал Шлица и выскочил на сцену. Там какая-то певичка зажигала. А тот давай ноты брать выше нее. И так с ней соревновался, что босс и увидал. Увлекся, смотрит на него и говорит: «Не может быть! Не может быть, чтобы он эту ноту взял». Короче, произвел Климуша эффект слабительного. Разорвавшейся клизмы.

– Не понял...

– Ну, понесло Давыдыча! Зацепил он его своей высокой октавой. Позвали за столик. Тот чуть не умер на месте. Ну, и пошло, поехало. Первый клип – сразу хит. Премии через год: «Муз-ТВ», «МТВ», «Граммофон», «Стопудовый». Парню башку и рвануло. Зазвездился.

Агушин быстро перевернул еще один листок блокнота.

– А на каких условиях он работал со Шлицем?

– Почему работал? Он и сейчас обязан. По контракту десять лет. После чего не имеет права пользоваться ни своим сценическим именем, ни образом.

– Как же такое возможно?

– Да ведь его зовут не Клим Чук, а Федя Климчук. Мальчик из белорусского городка Бобруйска. Потому и не может он называться вне контрактных обязательств Климом.

Агушин заволновался:

– Хорошо. А если что-то происходит с продюсером? Вот сейчас, после смерти, какие последствия?

– А никаких, – мотнул головой Фадеев. – Контракт переходит наследникам. Обязательства исполняются до его истечения. То есть еще восемь лет. Даже если представить, что контракт накрылся... ну, перестал существовать... так там есть один спешл. Если что-то такое случилось, то певец Вася Пупков может свободно гулять дальше, но только забыть о сценическом образе, имени и песнях, которые в нем уже спел.

– Жестко! – невольно восхитился Агушин предвидением и предприимчивостью Шлица.

– Н-да. Жестко-то оно жестко, но прецедентов еще не было, – произнес Митя; его не отпускало воспоминание о разговоре с Климчуком. – Да и сейчас, видимо, не случится.

– А что... у вас есть какие-то основания так полагать? – отформулировал почуявший какой-то реальный конфликт Агушин.

– Оснований полно. Вот прямо сейчас Климчук срывает концерт и даже обхамил меня по телефону, – решил открыться Фадеев; в конце концов, не он отвечает по контракту, а подлец Федька.

Агушин на мгновение замер и тут же что-то пометил в блокноте.

– Но, значит, он тоже был кровно заинтересован в гибели продюсера Шлица?

– Ну, я не уверен... Не знаю... Не могу сказать точно... – замямлил Митя.

Он понял, что может обвинить кого-то незаслуженно, а при всех своих пороках молодые птенцы гнезда Шлица все же были далеки от криминала. Да, они обслуживали его на всех вечеринках, но такова жизнь: без криминального мира шоу-бизнес не проживет и дня. Этот вывод Фадеев сделал после первого же года работы со Шлицем и с тех пор мнения своего не менял. Все вопросы решались только по понятиям и на сходках. Черный нал кочевал из кармана в карман, а наказания и профилактика свершались в лучших традициях Бутырки или Владимирского централа, в зависимости от того, кто какими коридорами прошел свой путь.

Впрочем, Агушин и не требовал от него прямого указания на убийцу. Он и так выудил за эти полтора часа практически все, что было необходимо для начала массовых репрессий, в которые, как правило, выливаются так называемые следственные действия по каждому уголовному делу. Тем более если это дело находится на контроле Президента страны – вот как сейчас.

Для Агушина вообще ситуация складывалась уникальная. Затянувшаяся война между следственным комитетом и Генеральной прокуратурой уже стоила обеим сторонам конфликта потери одних из лучших специалистов. Наконец, и сам председатель комитета ушел в непонятный «отпуск без сохранения содержания». В ответ сразу два зама генерального «написали» прошения об увольнении, и это означало, что Агушин в двух шагах от серьезного повышения.

Подводя итоги дня, можно было назвать его продуктивным. По сути, Агушин ничего не вынес лишь из беседы с Бессарабом. Третий сиделец говорил абстрактно и уклончиво; не называл никаких фамилий, нес околесицу, забалтывал Агушина какими-то байками, и, в конце концов, Агушин устал от его трепотни и выставил «крышу» Шлица вон. Тут-то и возник действительно ценный кадр – Митя Фадеев, раскрывший и некоторые секреты создания звезд, и таинства заключения и исполнения контрактов в сладком мире грез, подиумов и эстрадных залов, что зовется ШОУ. Да уж, король умер, а шоу должно продолжаться!

Митя удивил бывшего следователя лишь под конец. Фадеев кропотливо проверил все, что Агушин записал, затем попытался поспорить по поводу некоторых формулировок и, лишь получив жесткий отказ, согласился. Занес ручку для подписи и... остановился. Огляделся по сторонам и, наклонившись ближе к столу, понизив голос, произнес:

– А если честно, то знаете, что я думаю?

Агушин опешил:

– И что же ты думаешь? Говори. Есть возможность дописать в протокол.

– Не-е-е! – замахал рукой тот. – Без протокола. Я думаю, что Шлиц... – он снова судорожно оглянулся на дверь и еще тише продолжил: – Он... вообще не умер! Он здесь. С нами. Следит. И все слышит. И все видит.

Агушин оторопело смотрел на психанувшего директора. Он не понимал, шутит ли тот, двинулся ли умом или просто кем-то напуган. Но Митя уже поставил подпись, и было видно: большего он сегодня не скажет.

Голубок

Через два часа Митя выбрался из здания следственного комитета, пообещав на прощание приставучей секретарше постер с автографом Клим Чук. Благо его подписи в актах и ведомостях он давно научился подделывать так, что и сам Климушка не отличал. Но не успел он сделать и десятка шагов по свободной земле, как железные клещи схватили его за левый локоть. От боли Митя взвизгнул, обернулся и задержался, тщетно пытаясь вырваться из медвежьих объятий Ивана Ивановича.

– Не спеши, голубок! – зло оскалился Бессараб.

– Пусти! Больно же! – скривившись, потребовал Фадеев, но Бессараб уже волоком тащил его в близлежащий скверик.

– Не дергайся, щенок! Базар есть.

Затащив несчастного Митю за угол, он встряхнул свою жертву и поставил перед собой. Фадеев зажмурился и застыл в ожидании расправы, которую по всем статьям заслужил. Но бандюга не спешил. Он положил огромную ладонь на плечо Мити и дыхнул ему в лицо адской смесью перегара, табака и какого-то сладкого парфюма:

– Чего ты там этому следаку наплел? А, сучонок?

Бессараб сжал плечо парня, и тот взвыл:

– Уй-аа-а! Ничего я не сказал!

– А чего ж так долго ничего не говорил?! Два часа тебя тут ожидал! Ну, поц! Говори!

– Да он же тупой! По пять раз переспрашивал! Как концерт организовать, да что такое корпоратив. Вот и все! Ничего больше и не сказал. Пусти же ты меня!

Последние слова он уже выкрикнул и таки вырвался из лап Ивана. Станным образом, Бессараб не стал его удерживать. Все выглядело так, словно бандит начал пасовать перед этим тщедушным мальчишкой.

«Деньги! – мгновенно понял Митя. – Он строит на меня планы!»

Бессараб щелкнул языком, глянул под ноги, затем – на небо и закричал:

– Эге. Ну, лады. Молоток, что не сдал никого.

«Точно – деньги! – подтвердил себе Фадеев. – Иначе уже измолотил бы! Сейчас начнет меня под себя подтягивать...»

– Теперь вот чего, Митяй, давай-ка пододьем бабки. Поскольку Иосифа мы схоронили, будешь теперь мне отчитываться.

Но Фадеев, перетрясшийся в кабинете Агушина и понявший, что бить его не станут, уже успокоился и рассматривал громилу довольно нагло.

– Тебе? Это в чем же?

Бессараб замялся. В лагерях и тюрьмах он всегда безжалостно расправлялся с любым проявлением неуважения или сопротивления. А теперь... Привыкший за последние годы к сытости и безопасности, Бессараб остро хотел это состояние покоя и сохранить – навечно. Но в отсутствие Шлица это было непросто и зависело в том числе и от лоха и недоноска Мити Фадеева. Бессараб почесал могучий щетинистый подбородок:

– Вика сказала, что ты зажал бабки за месяц. Где бабло, Митя? Отдай по-хорошему.

– Я бы рад, Иван Иванович, да только теперь и я ничего не могу. – Митя развел руками.

– Слышь, малец, я тебя не спрашиваю, можешь или не можешь, – уточнил Бессараб, – я тебе говорю – должен!

– Я, может, и должен, – не стал нарываться с возражениями Фадеев, – но не могу. Теперь этими проектами занимается Корней Фрост.

Бессараб опешил.

– Это с какого же перепугу? Он не может без меня вступать в Иоськин бизнес. Это же полный беспредел!

Иван для виду грозно насупился, но на самом деле он понятия не имел, что теперь делать. Он давно уже не влезал в какие-либо серьезные разборки. Иосиф все предпочитал решать сам и, надо сказать, справлялся лучше, чем любая «крыша». Мало того, именно Шлиц все последние годы усиленно раскручивал миф о крутости, беспощадности, могучести и мудрости бандита Ивана Бессараба. С его способностью делать звезд из вчерашних домашних девочек и мальчиков, которые не могли прилюдно даже стишок рассказать, он долгое время реализовывал пиар-проект «Иван Бессараб – самый крутой авторитет». Спустя годы усиленной пропаганды всеисильности и боеспособности Ивана все «крыши» и братва знали его как одного из легендарных воров в законе.

Из уст в уста передавались умело запущенные Иосифом байки про очередные разборки Ивана с залетными «тамбовцами» или «курганцами». Отдельно запускались истории происхождения Ивана Бессараба в Китае и Таиланде. По версии Шлица, Иван, отправившись с дружественным визитом к представителям триады и якудзы, в итоге разгромил половину их бойцов, а остальные согласились признать Ивана Главным Русским Воином Света и Тени. Именно это означал иероглиф, подаренный Бессарабу. Правда, подарили ему этот свиток в санатории на Хай-Нане, где Иван лечил простатит – кстати, очень успешно. Но для общественности Иосиф придумал иную историю и под страшным секретом распространил ее по всем нужным каналам. Так и подогревался страх перед Ванькиным могуществом, прозорливостью, неуловимостью для ментов и неуязвимостью для пуль конкурентов. А главное, вырос отдельный миф о его сказочной везучести. Ведь фарт или удача – это главные достоинства любого бандита. Даже сам Бессараб верил в эти истории, давным-давно поддавшись умелой манипуляции Шлица.

– Слышь, Митяй, ты мне мозг не сноси! Какой там еще Фрост? Давай, братан, решим, как мы с тобой дальше жить будем.

– Как мы с вами будем жить? – прищурился Митя. – А-а-а... вы, собственно, теперь кто? Чем вы можете помочь делу?

Бессараб опешил: такой постановки вопроса он от Митяя не ждал. А Фадеев тем временем уже разошелся вовсю:

– Ну, скажите мне, Иван, раз уж вы такая крутая «крыша», вы можете сделать так, чтобы этот следователь Агушин отстал от меня? Чтобы дело прекратил? Чтобы не вызывал на допросы больше? А?

Лицо Бессараба перекошилось.

– Слышь, братан, ты не гони! Чего ты заладил: «Отстал, прекратил, не вызывал»? – с раздражением, но совершенно неуверенно ответил Бессараб. – Надо будет – все сделаем.

И Митя почувствовал его слабость и тут же развил наступление:

– Ага. Так вот уже надо! Очень надо, Иван Иванович!

Лицо Бессараба потемнело: продолжать оставаться крутой «крышей» в отсутствие Шлица оказалось не так просто.

– Не гоношись! Сказал тебе: «Обожди». Разберусь! Ты мне про Фроста чего там пел? С какого перепугу он мои бабки хаает?

Митя пожал плечами.

– Очень просто. Он ведь компаньон Иосифа Давыдыча. Можно сказать, даже основной партнер по медийному сектору.

– Ну?

– Фрост показал расчеты, и выходит, Шлиц ему остался должен. Поэтому Фрост забирает недостающие активы из его доли. Такая вот арифметика.

Митя выдал версию, не так давно озвученную самим Корнеем Львовичем. Этот расклад должен был, по идее Фроста, стать основным мотивом к реоформлению всех акти-

вов «Медиасити» и некоторых контрактов со «звездными конвейеристами». Если учитывать известное нежелание Шлица вовремя гасить все образовавшиеся долги и обязательства, версия выглядела правдоподобно. Иван тяжело задумался, если процесс почесывания и побряхтывания можно вообще принять за мыслительный.

– А чего это он меня не поставил в курс дела? Я ему что – дерьма кусок? Отряхнул сапога и дальше двинул? Нее-е-ет! Так не выйдет. Он еще отступных должен. Я сказал!

Иван двинул огромным кулаком по бетонной стене дома, к которой прижался Митя. Стена загудела, а на первом этаже даже задребезжало оконное стекло. Но Фадеев, хоть и втянул голову в плечи по самый козырек своей неразлучной бейсболки, все же пискнул:

– Ага! Должен. Вот вы и выясняйте. А то меня чуть его «крыша» прям там в цемент не закатала.

Бессараб напрягся, как сторожевой пес на чужого:

– «Крыша», говоришь? Какая такая «крыша» у Корнея?

– Простая. Кажется, «красная» называется. Здоровенные такие амбалы из милиции и вроде один аж полковник из наркоконтроля.

– С чего ты взял? – недоверчиво покосился Иван.

– Так они мне объяснили очень наглядно и подробно, что со мной будет, если я: а) не отдам долги Шлица и б) попробую что-то не оформить, как им надо. Вот такой небогатый выбор.

На Бессараба было тягостно смотреть. Он был уже слишком стар, ленив и обеспечен, чтобы выходить на тропу войны. А воевать с «красной крышей» Фроста было наибольшей глупостью, какую только можно себе придумать. Против «ментовской крыши» могла быть действенной только «фээсбэшная», а еще лучше «кремлевская». Но ни на вторую, ни на третью, и даже на первую Ваня рассчитывать не мог. У него был свой путь, своя легенда и свои понятия. Чтобы совсем не терять лицо, Иван перевел тяжелый взгляд на Митю и внезапно двинул его под дых, а затем добавил сбоку в ухо. Пока Митя падал на землю и стонал, задыхаясь от кувалдоподобной оплеухи, Иван сплюнул и зло закончил беседу:

– Это тебе, поц, чтоб руку больше не поднимал. А с Фростом и его шавками я сам разберусь. Сиди тихо и не отсвечивай. Скоро позвоню. И еще... не вздумай лыжи дернуть! Найду и яйца отрежу. А затем заставлю сожрать! – Он пнул скорчившегося на асфальте кашляющего Митю. – Бывай!

Элвис

Роман Ротман и Корней Фрост вместе вышли из Театра эстрады. За ними чуть поодаль шел Гарик Бестофф. Они не собирались ехать на кладбище и лить слезы над могилой убитого. Хотя корпоративные интересы и вынуждали их прилюдно отдавать долг памяти ушедшему коллеге, заставить сожалеть о нем не мог никто! Каждый из них, как и еще десятка два деятелей сферы эстрады, телевидения и развлечений, имел сотню причин не только ненавидеть Шлица, но и приближать его кончину.

– Зайдем в «Лермонтовъ»? Переговорить бы надо, – неожиданно предложил Фрост.

Ротман недоверчиво оглядел Корнея и посмотрел на свой лимузин и охранников, которые уже распахивали двери. Они давно не разговаривали один на один, и интересы толкали Романа на такую беседу. Сейчас, пока не начался передел шлицевских активов и проектов, еще можно было договориться. Или хотя бы прощупать потенциального партнера, что в любую секунду может стать противником и даже заказчиком твоего устранения. Ведь Шлица-то явно кто-то убрал; ему понятно, что это была не бытовуха и не уличные хулиганы. Серьезный заказчик не оставил следов и наверняка наблюдал за развитием событий из-за занавеса.

– Пешком, что ли, топать? – лениво начал Роман, на самом деле просчитывая возможные варианты разговора. Он любил заранее формулировать решение, которым должен закончиться разговор.

– Это же в двух шагах на бульваре! – Фрост, видимо, уже такой результат сформулировал и теперь неуклонно шел к нему через раздумья и сопротивление Ротмана.

– А этого... не будем звать?

Оба магната, не сговариваясь, обернулись на Гарика, что в одиночестве топтался возле своего «Феррари». Владелец элитного клуба не мог даже на похороны выбрать машину поскромнее. Правда, скромность и Гарик были понятия несовместимые, так что, поймав на себе взгляды магнатов, Гарик тут же помахал им рукой, готовый присоединиться по первому требованию.

Ротман и Фрост напряглись. Прежде Гарик – пусть и не слишком скромный – не проявлял такой назойливости. Но загадка разрешилась очень быстро, едва Ротман повнимательнее проследил за взглядом и направлением жестов Бестоффа. Чуть в стороне за Фростом и Ротманом жался Ленья Булавкин. Сопровождавшие его кремлевские посланцы, видимо, уехали, и теперь Ленчик, как его звали коллеги, жестикулировал Гарику, который уже шел на сближение. Он, так же не замечая и не переводя взгляда, проследовал мимо коллег напрямик в объятия маленького модельера. Они обнялись – чересчур нежно, пожалуй, – и, что-то шепча друг другу, погрузились в машину Булавкина.

– А зачем его звать?! Пошли. – Ротман дернул за рукав Фроста, не могущего отвести взгляда от уезжавшего автомобиля, и тот очнулся и кивнул:

– Да. Им без нас хорошо. Идем.

– Иду. Ты лучше скажи, тебе не показалось... – Ротман посмотрел на Фроста, и тот тут же встретил его ответным взглядом:

– И тебе тоже? Это то, что я думаю? Правильно?

Фрост ловил каждое движение Ротмана, который заговорил первым о том, что обоим показалось странным и подозрительным. Роман опустил глаза и кивнул:

– Слушай, стыдно признаться... но я даже подойти не мог. Ну, не он это... тот, что в гробу лежал... Какая-то кукла фарфоровая...

– Да. Мне тоже так показалось. Знаешь историю про Брюса Ли?

– Это когда его вроде убили, а он там воскрес, типа?

– Ну, почти. Только там во время похорон вроде как откололся кусочек от пальца. И видно было, что это фарфоровая статуя, а не человек. Вот так-то. До сих пор никто ничего не знает.

– А Элвис? Элвис Пресли тоже вроде как жив? – Роман явно пытался убедить себя и Фроста в правильности своей догадки. Но Фрост вдруг захохотал:

– Ой! Уморил! Ромка! Ты чего? Рюхнулся совсем? Брось свою охоту за привидениями! Лучше давай решим, как нам бабки поделить. А то пока ты там занимаешься своей парапсихологией, бизнес загнется.

Фрост подтолкнул коллегу вперед и, широко улыбаясь, пошел сзади. Так они и побрели пешком через мост в сопровождении своих теней-охранников. Те недобро косились друг на друга. Службам безопасности было хорошо известно, кто из их хозяев и сколько раз пытался заказать друг друга. Победителей пока не было. Был лишь один проигравший – Иосиф Давыдович Шлиц. Но ни внимательные суровые охранники, ни Фрост, ни Ротман не заметили, как пара внимательных глаз следила за их движением. Наблюдатель остался незамеченным.

Видение

На Ваганьковское кладбище поехали только свои, не более десятка человек, но чувство, что за ней кто-то пристально наблюдает, уже не оставляло Викторию – даже здесь. Ей все время казалось, что вот-вот появится ее Ося – живой и невредимый, – а этот кошмар закончится. Даже тело его, обряженное в прекрасный итальянский костюм, казалось чужим и ненастоящим – вроде хорошей восковой копии, которую однажды подарили Иосифу его коллеги и подчиненные, заказав подобный шедевр у лучших английских мастеров – из тех, что творили для Музея мадам Тюссо.

Виктория пыталась вспомнить, где находится эта копия, и не смогла. Вроде Иосиф отвез ее на дачу.

«Или же оставил в старом гараже?»

Она точно не помнила. В этом доме вообще всем и всегда занимался сам Шлиц, щедро предоставляя жене одну-единственную заботу – траты.

А когда она уже уходила с Ваганьковского кладбища, ее окликнули. Виктория обернулась. За листвой деревьев стоял человек, и он смотрел на нее. Медянская откинула с лица вуаль, чтобы лучше рассмотреть до боли знакомую фигуру, но, пока она поправляла шляпку и волосы, тень исчезла.

Виктория закрыла ладонью глаза и потерла виски. Переутомление сказывалось все так же, и становилось все сильнее.

«Я выдержу, Ося! Я все это выдержу! Обещаю...»

Долги

– Рома, пойми ты, наконец! Нам делить нечего.

– О-о! Я бы так не сказал, Корней Львович.

Ротман потягивал морковный сок со сливками – новомодный диетический коктейль, который якобы помогает пищеварению. Серьезно поизносившись к пятидесяти годам, Роман, как и многие его коллеги из шоу-бизнеса, вспомнил о здоровье. Ну а Фрост вообще сидел на так называемой зеленой диете. Смысл ее состоял в том, чтобы есть только все зеленое. Сейчас он жевал пучок петрушки и запивал зеленым соком киви. Нажив многие миллионы, магнаты не могли себе даже позволить ту еду, которую им так хотелось. Приходилось с кислым видом отказываться и произносить длинные монологи о пользе диет, голодания и раздельного питания. Ротману более всего на свете мечталось заглотить кусок сала и запить холодной водкой. Фрост мечтал о том же, но в обратном порядке.

– погоди, Рома. погоди. Ты торопишься с выводами. Давай разберемся, что нам мешает разделить активы Шлица. Явно не твои подозрения, что он жив и здоров. А вместо себя похоронил восковую фигуру.

– Я ничего не исключаю и ничего не утверждаю! Не хочешь – не верь.

– Ладно, проехали. Так кто же нам мешает? Или что?

– Ха. Понятно что! Твоя жадность, дорогой Корнюша!

– Нее-ет! – Фрост сморщился и брезгливо затряс копной волос. – Ты все неправильно видишь, Рома! То у тебя призраки по пятам бегут, то доллары глаза застыят. Какая жадность? Я каждую заработанную копейку вкладываю обратно в индустрию. У меня весь доход от телеканала, газет, фильмов уходит полностью на стройку.

– Интересно у тебя получается, Корней! По-твоему, Шлиц, что же, не вкладывал? – Роман отставил стакан и захрустел сухариком.

– Это еще надо смотреть, – уклонился Фрост. – Наверное, что-то вкладывал, но его инвестиции ничтожны. Я – основной инвестор «Медиасити». Вот ты же опекаешь свою станцию?

– Естественно! Неужели ты будешь мне подкидывать бабла? Я сам кручусь, как слуга трех господ. С одной стороны, государство жмет: лицензии, разрешения, налоги, проверки, политическая разнарядка, выборы. Всякая хрень! А мне же семью надо кормить...

– У тебя их, кажется, целых три? – продемонстрировал осведомленность Фрост.

Ротман скривился:

– Ой-ой-ой! Какой борец за нравственность отыскался! Ты меня, Корнюша, не стыди! Я этого, знаешь, не люблю. Все мои, и все на мне. Ни от кого не отказываюсь.

– Слушай, Роман, прекрати! Я не об этом сейчас. Извини. Не бери в голову! – Он протянул руку, и Ротман тут же убрал руки со стола; он явно не собирался принимать рукопожатие.

– Ну-ну. Прощаю. Что еще?

– Давай меж собой договоримся, как разделить это все, – как ни в чем не бывало, продолжил Корней.

Ротман поднял брови:

– Ты чего? С дуба рухнул? Ты чего делить собрался? Мою станцию? А вот хрен тебе по всей морде! – и Ротман сделал неприличный жест рукой, отмерив половину длины руки, до локтя.

Фрост хотел вспылить, но взял себя в руки. Он знал и много раз страдал от того, что Роман Ротман был настоящим трамвайным хамом и мог обругать кого угодно. Сейчас было не время ссориться. Можно отомстить по-другому и в другое время. Корней, как, впрочем, и сам Ротман, прекрасно отработал такие приемы – и не раз. Они натравливали друг на друга

и налоговиков, и ментов, и бандитов и, в конечном счете, отмазывались, пусть и неся существенные денежные издержки. Таковы были законы этого мира.

Сейчас можно было изменить кое-какие условия, и, что главное, с очень значительной выгодой для себя. Но разговор за диетическим столом не клеился, и Фросту пришлось даже прибегать к наглядному примеру:

– Ты видел эту новую программу с этим... адвокатом Павловым?

– Это «На троих», что ли?

– Ну да, «Треугольник мнений». Так даже непримиримые политики и то у него договариваются. Зюганов, Жириновский, Митрохин. Видел?

Ротман высокомерно хмыкнул:

– Ну, видел! Так то ж политики, все они – беспринципные клоуны, а мы – благородное купечество. У нас принципы есть.

– Тем более, Рома, – не отступал Фрост, – наш принцип: «Живи сам и дай жить другим!» Так ведь?

– Вроде того. Только мне твои принципы, товарищ Фрост, до одного места!

Фрост закусил губу.

– Почему же?

– Что-то ты слишком ласково поешь, Корней, – издевательски ухмыльнулся Ротман, – уж не ты ли Шлица... того... заказал? А? Может, с повинной? Чистосердечное признание, знаешь, смягчает наказание. Ха-ха-ха!

Ротман заржал, и Фрост вспыхнул и еще крепче стиснул зубы. Поссориться и расстаться на такой ноте стало бы непростительной стратегической ошибкой. Нужно было отбить эти хамские нападки. Корней улыбнулся и тоже засмеялся:

– Ха-ха-ха. Рома, ты в своем репертуаре. Только, знаешь, мне как-то вспомнилась тут одна история. Когда у тебя были скачки твои? «Романтик-дерби»? Месяца полтора назад?

– Ну, где-то так. Даже два, – еще не понимая подвоха, подтвердил Роман. Он отличался не только хамским поведением, но и некоторой туповатостью.

– Вот именно. Помнится, ты с Иосифом что-то там заспорил, – ласково улыбнулся Фрост. – Я ничего не путаю? Вроде как это он кричал, что ты жулик, ставишь на купленных жокеев. С лошадьми мухлюешь... Так, кажется?

– Не помню я ничего такого! – зло огрызнулся Роман.

Он был абсолютно уверен, что конфликт из-за крупного проигрыша Шлица в ставке на лошадь, которую прямо перед стартом незаметно напоили водой по указанию Романа, остался тайной для окружающих. Теперь он судорожно соображал, кто бы мог услышать претензии Шлица. Они стояли лицом к лицу, а говорили хоть и резко, но вполголоса, и вообще, как правило, такие конфликты между заядлыми игроками не становятся достоянием общественности.

Ротман и представить не мог, что накануне специалисты по технологиям тайного съема информации установили во всех ложах уникальную аппаратуру и в течение нескольких часов записывали все переговоры VIP-гостей, пришедших на традиционно проводимые ими ежегодные скачки. Дубликат всех разговоров лег на стол Фроста этим же вечером. Там было – помимо ссоры Шлица и Ротмана – много и других не менее интересных сведений. Например, на какие счета и в каком размере шли откаты по тендерам на строительство северного нефтепровода. А также о новых любовницах ставшего появляться во всех тусовочных местах помощника премьер-министра.

Боялся почитать Фрост только записи из ложи первой леди. Уничтожать не стал, а лишь запечатал в конверт и убрал в сейф – от греха подальше. Он давно уже использовал все подобные мероприятия для сбора компромата и получения закрытой информации о нужных ему людях. Он вообще искренне считал, что шоу-бизнес, телевидение, радио, мода и прочие развлечения – это наживка для лохов и отличный инструмент для выстраивания гораздо более

сложной модели бизнеса. Той самой, которая называется Большая Политика. И сейчас как нельзя кстати пришлась полученная совсем недавно информация на Ротмана, который теперь бледнел и зеленел от страха перед обвинением в убийстве Иосифа Шлица. Он тяжело сглотнул:

– Корней, ты чего, серьезно? Ты меня что, подозреваешь?

– Я? Я-то, возможно, и нет... а вот этот Агушкин-Пиндюшкин точно тебя закроет. – Фрост старался быть максимально серьезным и этим загонял Ротмана в полный тупик. И тот дрогнул:

– Э-э-э. Корней, ты не спеши. Сам пойми, мало ли чего не сболтнешь сгоряча...

– Ну-ну... сгоряча, говоришь? Как ты там его назвал? Помнишь?

Фрост рассматривал внезапно ставшего беспомощным хама Ротмана. Тот, конечно же, помнил, что назвал Шлица «трупом». Конечно же, сгоряча. И еще – в ответ на угрозу Иосифа, который первый пообещал грохнуть Ротмана за «подлянку» и «кидалово». Что же тут было ответить, если тебе уже грозят убийством. Не объяснять же, что такие угрозы произносятся достаточно часто и не всерьез. Ну, то есть вроде как всерьез, но лишь для того, чтобы затем откупиться или как-нибудь еще «разойтись». Только вот тут не успели они с Иосифом разобратся...

Роман заерзал:

– Корней, слушай, ты... это... не говори никому. А? Я тебе... это... ну... тоже... готов помочь. Говори, чего надо-то...

В глазах Ротмана уже исчезла прежняя надменность и наглость – он заискивал, и Фрост наслаждался моментом. Хам был приструнен, запуган и покорен; теперь его надо использовать в правильном направлении. Фрост отбросил назад свою великолепную челку и покровительственно кивнул:

– Я, Роман, человек слова. И дела! Я тебе сразу предложил и сейчас предлагаю: давай забудем о Шлице.

– Как это? Забудем... – протянул непонимающе Роман.

– Забудем. Нет его и не надо. Ты забираешь себе его пакет акций. Я со своими делами разбираюсь. А если баба его или еще кто начнет копать, то мы – в полном отказе. Ничего не знаем. Бизнес наш. Иосиф терся вокруг нас, но никогда ничего не имел. А еще лучше, Рома, если ты внимательно посчитаешь все ваши зачеты-расчеты и нарисуешь должок за ним кругленький. Понял?

– Должок? Хм. Это можно. У него в ротации несколько песен этого педика Клима Чука и нимфетки Айки. Сейчас скажу, чтобы удвоили эфиры, и вот тебе должок. Только как мне получить-то его? Иосифа-то нет...

Как и многие люди его профессии и положения, Ротман отличался не только хамством, но и глупостью. Фрост тяжело вздохнул и тонкой струйкой выпустил воздух в сторону Ротмана. Тот отшатнулся, вытаращил глаза, но стерпел, и Фрост задумчиво покачал головой:

– Рома, Рома. Как ты вообще рулишь своим радио, да еще и газетой, журналом? Конкурсы проводишь, скачки устраиваешь...

– А чего ты загадками тут говоришь? – обиделся тот.

– Ладно. Долг нарисуй на всякий случай. Чтоб ты знал. Наследство Иосифа, как и любого человека, это не только его бабки и барахло, но и долги. Понимаешь? Дол-ги! Если наследники, а это только Медянская, к тебе сунутся, ты им и предъявишь долги. Понял теперь?

– А-а-а. В смысле не мы ему, а он нам уже должен будет? Так?

– Так-так, Ромашка!

– Ну, так бы и сказал сразу. Слушай, неплохо. Даже клево. А тебе-то что с моих долгов и активов? – явно что-то заподозрив, напрягся вдруг Ротман.

– Мне с тебя, друг мой Рома, вообще никакого прока. Главное – не лезь в мои дела. О'кей? И я про тебя забуду. А следовательно или еще кто спросит, то скажу: «Точно не знаю,

но у Шлица долгов было больше, чем денег. И мне был должен кучу бабок, и другим. Вот, например, Ротману Роману тоже задолжал. Что делать, такой вот был необязательный тип. Хотя плохого про покойного ничего сказать и не могу. Жаль его. И семью жаль. Постараемся им помочь, как сможем».

Ротман восхищенно застыл, и Фрост продолжил воображаемый спич до космических высот гражданственности:

– Все сообщество должно обратить внимание на эту трагедию. Надо защищать свои интересы, учиться договариваться, выстраивать долгосрочные отношения. Нельзя разрушать индустрию! Страна без культуры, искусства, телевидения и радио обречена на моральную и культурную гибель! Потомки нам этого не простят...

Ротман лишь развел руками:

– Тогда, друг Корней, давай и договариваться. На троих. Так ты сказал?

Фрост отрицательно замотал головой:

– На троих? Не-е-ет. Это программа такая – «Треугольник»... – Фрост недоумевал. Но Ротман явно что-то затеял и продолжил, все так же хитро улыбаясь:

– А я предлагаю на троих. Ты, я и...

– И кто? – Фрост нетерпеливо хлопнул по столу. Ротман кашлянул. Оглянувшись вокруг и, наклонившись к Корнею поближе, предложил:

– Третий – сам Шлиц!

Модельер

В баре клуба «Гоголефф» в полдень было пустынно. Лишь две одинокие фигуры в углу беседовали за столиком. Номинальный хозяин клуба Гарик Бестофф потягивал через трубочку любимый напиток – французскую газировку «Перье» с мятным сиропом. Ему нравились вкус и название, которое звучало как «Перьемант». Его собеседник был едва виден в глубокой тени сумрачного бара. Но по бархатному голосу, вкрадчивым манерам и изредка поправляемой челке в нем без труда даже в потемках опознавался модельер Леонид Булавкин. Он взял Гарика за руку.

– Гаррик, – слегка грассируя, убеждал он Гарика прислушаться к своему предложению, – ты не понимаешь, насколько выгодным станет наше сотрудничество.

– Ленечка, я и так себя неплохо чувствую, – не высвобождая руки, но и не соглашаясь, отвечал хозяин вертепа, – ты не обижайся, но я не вижу особого смысла в том, чтобы сейчас перекраивать мой клуб под тебя.

Булавкин явно нервничал, но не подавал и виду. Продолжая удерживать руку Гарика в своей, мягко нажимал:

– Я не соби~~р~~раюсь тебя уговаривать. Но только че~~р~~рез неделю будет поздно. Ты увидишь, как эта сучка Вика вытряхнет тебя из твоего к~~р~~ресла. Я пре~~к~~расно знаю ее ха~~р~~рактер.

– Не знаю, Леня. Не знаю. Я так не думаю. Мы никогда с ней не ссорились, я не давал ей повода относиться ко мне как-то предвзято... Не думаю, что у меня будут с Викторией проблемы.

Гарик потянулся и как бы невзначай высвободил руку, и понятливый Леня спрятал свои ладошки под стол. Улыбнулся нервно и вновь замурлыкал:

– Ты же знаешь мои связи. Теперь мне многое по плечу. Я могу звонить в любой момент Самому! Он мне так и сказал. Помни об этом. Сейчас хороший момент. Давай разделим клуб.

– Клуб?! – удивился Гарик.

– Я имел в виду долю Шлица, – продемонстрировал редкую осведомленность Булавкин. – Вика все равно с этим не справится. Ей не по плечу бизнес ее мужа. Она все завалит и профукает. Лучше мы ей дадим немного денежек. Ей на жизнь хватит. И бизнес спасем, и ее не обидим. Так лучше будет для всех.

Гарик, уже понявший, как сложно отказаться от предложения столь приближенного к верхам человека, немедленно начал выстраивать новую линию обороны:

– Не знаю. Не уверен, что ей станет легче от этого. Да и я вроде не собираюсь ничего никому отдавать. Пойми меня, Леня, у меня и бизнес давно отлажен, и «крыша» надежная. Много лет работаем с наркополицией. Сам понимаешь, у них здесь зона особого интереса...

– Именно. Как в прямом, так и в переносном смысле, – понимающе улыбнулся Булавкин.

Он часто бывал в клубах, в том числе и в этом, и прекрасно знал, как идет бойкая торговля зельем в часы наибольшего наплыва гостей. Полиция прекрасно знала, кто, где и чем торгует. Не говоря уже о тех, кто принимает, нюхает, колет, курит. Но ловить мелочь никто не соби~~р~~ался, всем нужны были оптовики и поставщики. Леня и сам иногда любил выкурить сладкую папироску и страшно боялся, что об этом кто-то сообщит его высоким покровителям.

Гарик, подтверждая, что здесь все люди взрослые, а потому все прекрасно все понимают, охотно кивнул:

– Конечно. Я им – информацию и посильную помощь. Они мне – защиту и безопасность. Мне кажется, недорого и взаимовыгодно. Так что меня все устраивает. Ничего менять не буду.

Булавкин изобразил на лице искреннее расположение в смеси с душевным страданием.

– Зррря ты так, Гарррик. Я к тебе со всем серррдцем. С душой. Я и прррошу-то какие-то несчастные десять-двадцать пррроцентов. Мне больше и не надо.

Гарик, понимая, что Леня прямо сейчас скинул цену своим услугам с шестидесяти процентов пакета Шлица до десяти, заинтересовался:

– А зачем тебе доля в клубе? Ленечка, у тебя и так все в полном порядке. Бизнес процветает. Получаешь какие-то сумасшедшие государственные заказы. Спецодежда, форма, флаги. Шей себе в свое удовольствие. Ты же дом отхватил в Проточном переулке в четыре этажа. Небось твой Большой Друг дал?

– Кто дал, тот дал, Гарик, это не касается тебя! – впервые за встречу огрызнулся Леня. Он не хотел обсуждать собственный бизнес и состояние дел. Не для этого пришел на встречу с этим мачо.

– А почему бы и нет? – резонно возразил Бестофф. – Если ты мне предлагаешь отписать часть клуба тебе, пусть и десять процентов, то почему бы и тебе, Ленечка, не поделиться со мной твоим особнячком? По-моему, вполне справедливо.

– И не думай даже... – зашипел Леня, но тут же взял себя в руки, улыбнулся и попытался обратить все сказанное в шутку: – Ты так смешно рассуждаешь! Этот старенький домишко дешевле снести, чем что-то там сделать. У меня и денег таких нет сейчас.

– Э-э-э... денег нет, а собрался долю в клубе получать, – пожурил его Гарик. – Да ты знаешь, что клуб – это бездонная яма? Расходов больше, чем доходов. А так мы могли бы объединиться с тобой. Твой «домишко» вполне подойдет для второго «Гоголеффа». Или, если хочешь, назовем его «Гарлен»?

– Почему Гарлен, а не Гарлем? – Леня увидел грамматическую ошибку.

– Потому, что ты Булавкин ЛЕНЯ, а не Станислав ЛЕМ. ГАР и ЛЕН – часть наших имен, складываем и получаем. Имя трендовое. Можно даже одежду параллельно запустить с таким же названием. Как ты на это смотришь?

Гарик был очень креативен, то есть просто талантлив. Часто придумывал различные проекты, но не всегда доводил их до ума. Сейчас он размечтался так, что даже Леня, дизайнер, профессионал, стал завидовать:

– Прррекrrrrрати! Ты фантазерrrr! Нам надо решить, что делать с Медянской. Она тебя оберет и выкинет. Я тебе хочу помочь. И я могу тебе помочь! А ты мне заливаешь пррро какие-то воздушные замки. Давай рррешай!

Понимая, что разговор может ничем не кончиться, Булавкин уже начал нервничать, а Гарик все продолжал, полускрыв глаза, мечтать:

– Фууу! Какой ты неинтересный, Ленечка. А еще модельер-затейник. Ты должен был придумать что-то забавненькое, красивенькое. А ты так пошло предлагаешь кинуть вдову. Не-а! Не пойдет, Леня. Я не подпишусь. Давай лучше о чем-нибудь другом поговорим. О прекрасном. Когда у тебя показ зимней коллекции?

– Ты – дурrrрак! – взвизгнул Булавкин и осекся.

Он был неврастеником и часто не сдерживал эмоций. Это его и подводило. Вот и теперь... Гарик недовольно оттопырил нижнюю губу и, покачав головой, встал:

– Не сложилось. Умер так умер. Леня, извини, у меня еще есть дела.

Он выбрался из-за столика, а Леня кусал губы и щипал себя за толстенькие ляжки. Он ненавидел себя и проклинал за несдержанность. Нужно было хотя бы расстаться на положительной ноте.

– Гаррричек, дорррогой, прости меня. Прррости! Прощу тебя. Это все проклятые неррры. Понимаешь, я ведь тоже любил Иосифа. Он был такой талантливый, щедрrrрый.

Но Бестофф лишь смотрел на суемящегося модельера да кивал головой в такт его объяснениям.

– Да-да. Был. Любил. Убил, – срифмовал он и похолодел.

Рифма показалась слишком страшной. Леня изменился в лице, выскочил из-за стола, подбежал к Гарику и быстро чмокнул его дважды в правую и левую щеки. Гарик так же молча их подставил, ответив двумя чмоками в воздух. И несостоявшиеся компаньоны тут же разбежались по делам.

А дел прибавлялось с каждой минутой. Конкуренты в погоне за наследством Шлица тоже не спали. Каждый, кто мог дотянуться до его имущества или денег, выскакивал из штанов и даже из кожи лез вон, чтобы не остаться без надела. И никто даже не представлял всего объема и размера оставшегося наследства, не знал, что если разделить его по-честному, по справедливости между теми ключевыми игроками и ведущими продюсерами, которых Иосиф хотел бы поддержать, то хватило бы с излишком на всех. Но, увы, договориться о справедливом разделе денег в шоу-бизнесе невозможно. Там нет компаньонов, там есть только две категории людей: рабы и враги.

GAY

Очередное совещание следственной группы закончилось единогласным решением отрабатывать «голубую» версию убийства. Агушин по-хозяйски расхаживал по наконец-то освободившемуся кабинету начальника следственного комитета. Теперь, когда того все же «ушли» в отставку, имелись все необходимые и достаточные условия, чтобы занять это мягкое скрипучее кресло. И Агушин не терял времени.

Ему нравилась версия убийства на почве гомосексуальной ревности. Допрошенные работники продюсерского центра Шлица, кроме Мити Фадеева, все как один, показывали, что Иосиф Давыдович активно поддерживал «голубую» тусовку. На всех застольях обязательно присутствовали молоденькие смазливые мальчики. Помимо ставшего тенью Шлица, взлетевшего из неизвестности в звездную высь Клима Чука на посиделках неизменно появлялись новые лица из очередного «Звездного конвейера». Никто же не допускал мысли, что Иосиф таким образом лишь оберегает ранимых и нежных решивших практиковать однополые чувства мальчиков от той грязи и жестокости, в которую их в любой миг мог ввергнуть ортодоксальный внешний мир. Общество не понимало их и не принимало. Шлиц не был гомосексуалистом, но четко знал, что в эстраде половых вопросов лучше вообще не касаться. Слишком тонкая тема и серьезные последствия.

Агушин внимательно записал все рассказы. На всякий случай достал том популярной медицинской энциклопедии и почитал о научном объяснении такого явления. Также перечитал когда-то, в студенческие годы, уже изученные труды Зигмунда Фрейда. Теперь он пытался объяснить своим менее просвещенным подчиненным и коллегам взаимосвязь между эстрадными певцами нетрадиционной ориентации и убийством продюсера Шлица. По мере изложения своей версии следователь забрался в такие дебри, что даже самые молодые и рядовые сотрудники его бригады не могли сдержать слез от смеха. Но главная проблема заключалась в том, что секретарше приходилось стенографировать умозаключения следователя, дабы потом восстановить эти выкладки для формулировок обвинения тому, кого должны изловить. Она краснела и тщательно записывала каждое слово Геннадия Дмитриевича:

– Таким образом, Шлиц, безусловно обладая определенной сексуальной привлекательностью как мужчина, а вернее, как мужчина в биологическом смысле, но продюсер в техническом и медицинском, мог возбудить... в смысле... привлечь... точнее, стать объектом тайных желаний эстрадных исполнителей, певцов, других продюсеров...

– Теле- и радиоведущих, – подсказывали с разных концов длинного стола совещаний.

– Правильно! – Агушину нравился такой демократичный стиль.

– А еще есть технический персонал, – подал голос молодой стажер, которому посчастливилось отыскать в бачке с отходами орудие убийства – пистолет «ТТ».

– Это кто такие? – остановился возле него Агушин.

– Ну, администратор, директор, режиссер, оператор, редактор... – зарядил стажер перечислять все участвующие в постановках шоу профессии. Без них действительно невозможно создать настоящее представление. Агушин похлопал по плечу младшего коллегу:

– Молодец! Продолжаем. Эти тайные желания, усугубленные патологической ревностью, которая является особенностью психологического состояния влюбленных гомосексуалистов, реагирующих на гетеросексуальные проявления со стороны объекта влечения, побудили убийцу уничтожить объект своих самых грязных желаний. С этой целью у влюбленного гея...

– У кого? – переспросила секретарша. Она катастрофически не успевала за начальником, но боялась его прервать, дабы не показаться неспособной к быстрой записи высоких мыслей генерала юстиции Агушина. Тот остановился:

– Гея. По буквам говорю. Гэ, е, я! Понятно? Я – последняя.

– Вы? Что последняя? – окончательно сбилась секретарша.

– Не я – последний! А буква «я» – последняя. В слове «гея». Поняла?

– Извините, Геннадий Дмитриевич, теперь поняла.

– Ты давай не отвлекайся! Пиши все подряд. А потом разберем. Если что неясно – просто пропусти. Поехали дальше.

Диктовка продолжалась полчаса. Наконец Агушин подвел итог для всех участников совещания:

– Итак. У нас появилась реальная версия. Есть субъект – несостоявшийся или, возможно, отвергнутый любовник. Есть мотив – неразделенная любовь или измена. Есть орудие преступления – пистолет «ТТ», найденный нашим молодым коллегой. Еще раз тебе благодарность. Обращаю внимание, что пистолет слишком старый, чтобы его использовал профессиональный киллер. Баллистическая экспертиза подтвердила, что Шлиц был убит из этого оружия. «ТТ» пролежал в земле лет двадцать. После чего его откопали, отреставрировали, как могли, в кустарных условиях и применили всего раз. На пороге квартиры Шлица. От выстрела даже ствол деформировался и дал трещину. Но этого хватило, чтобы нанести ему смертельное ранение. Ну, так и скажите мне, господа, кто может использовать такое странное и ненадежное оружие, чтобы убить человека? – Он оглядел притихших коллег, у которых уже не было сил смеяться. И сам заключил: – Однозначно. Только педераст!

Мальчики

Любимое занятие нетрадиционно ориентированных мальчиков на досуге – травить анекдоты про таких же «уникальных» парней.

– Два гомосексуалиста встречаются. Один другому говорит: ты знаешь, я решил тоже стать геем. Тот говорит: а у тебя есть дача на Рублевке? Первый отвечает: нет. А тот опять: а у тебя есть «Бентли»? Тот снова удивляется и говорит: нет. А второй опять с вопросом: ну а хотя бы высокий покровитель в Кремле или Госдуме у тебя есть? Тот снова руками разводит, мол, нет. Тогда друг ему дает поджопник и говорит: слушай, иди отсюда, какой ты, на хрен, гей, ты просто пидор!

– Ой-ой! Ха-ха-ха! Хи-ихи-хи! Насмешил, Прошенька!

Недавние выпускники «Звездного конвейера» Федор Москвин и Прохор Филатов шлепали друг друга по рукам и заливались смехом. Они сидели в любимом всеми их собратьями клубе «Гоголефф». Вечер только начинался, но они уже заняли стратегически важные позиции – на входе у стойки бара, откуда просматривался не только весь первый этаж, но, главное, вход и все появляющиеся через него в клубе. Им позарез нужен был Кирилл Фарфоров.

Киря, как его называли друзья, бескорыстно поддерживал молодых нетрадиционно ориентированных коллег и часто платил за них не только в ресторанах, но и в модных магазинах. Иногда если какой-нибудь смазливый мальчишка, понравившийся Кире накануне в очередном клубе или на частной вечеринке, звонил из шикарного бутика:

– Кирочка, миленький, тут такой классный свитерок в бутике на Новинском, а у меня не хватило денежек... – тут же трубка передавалась менеджеру, и Кириллу открывался очередной кредит.

Иметь своим клиентом, безусловно, талантливого, обворожительного и безгранично обаятельного Кирилла Фарфорова мечтали все торговцы модным счастьем. Причем не только столицы. Ему отпускали в долг вещи, одежду, обувь, аксессуары, украшения под честное слово, которое, кстати, он всегда держал, по всей стране и даже в Майами и Ницце, где он регулярно отдыхал и также часто работал.

По сути, Фарфоров был уже мировой величиной, которая не вмещается в рамки обычного представления о певце или шоумене. Пожалуй, он достиг всего, но в душе был одинок. Пройдя сложный, тернистый путь к вершине славы и умудрившись удержаться на ней, несмотря на несколько удачно созданных его противниками и конкурентами скандалов, Фарфоров видел свое предназначение в более высокой миссии, чем банально развлекать публику.

У него было две заветные мечты. Первая – стать богатым. Но не просто богатым. Он не хотел быть миллионером. Он уже был им. Его состояние насчитывало двадцать два миллиона долларов, которые он изредка с удовольствием пересчитывал. Но состояние не хотело увеличиваться. Он достиг того состояния, когда все, что он зарабатывал, тратилось ровно в таком же размере. А ему для счастья нужно было даже не сто миллионов, а миллиард. Хотя сто миллионов сразу его тоже вполне бы устроили.

Вторая мечта была более высокой и от этого еще более тайной. Он серьезно думал о том, как стать президентом Румынии. Это не было бредом или глупой фантазией. Кирилл по матери действительно имел румынские корни и тайно готовился к этой высокой миссии. Оставалось одно – сменить фамилию на Фарфоряну и, наконец, принять румынское гражданство.

Проша и Федя выпили по дежурному коктейлю и, волнуясь, ждали появления своего кумира, покровителя и гения. На большее денег сегодня, как, впрочем, и вчера, и неделю назад, и завтра, не было и не будет. Зажав пустые стаканы, они продолжали пытаться рассмешить друг друга давно устаревшими бородастыми анекдотами. А Кирилл все не появлялся.

– Он же обещал прийти. Почему нет-то? – не выдержал Федя.

– Ой, ну он всегда такой необязательный... – махнул рукой Проша. Затем приблизился к Федору и зашептал: – А ты знаешь, что он тут творил накануне убийства Иосифа Давыдовича?

– Нет. Я слышал кое-что от мальчиков, но они тоже не присутствовали. А что он делал? Расскажи, Прохор!

– Слушай. Первого числа у него со Шлицем была встреча по поводу очередного конкурса «Звезды года». И Киря требовал посадить его в жюри. А Иосиф смеялся сперва. Потом Фафа его уже начал доставать капитально. Погнал, что не будет тогда вести «Звездный конвейер» и вообще продюсировать проекты шлицевские.

– Вау! Круто заехал! А что Иосиф Давыдович?

– Он, как всегда, замолчал. Выслушал Фафу и говорит ему спокойненько так: «Вали-ка ты, Фафочка, в жопу!»

– Ха! Так и сказал? В жопу? – радостно подпрыгнул на высоком стуле Федя.

– Ну да! Прямо туда!

– М-м-м. Я бы согласился... – мечтательно отозвался Федя.

– Прекрати ты! Я тебе про другое говорю. Слушай, дурак!

– Не ругайся, Прошка! – надулся Федя.

– А ты слушай, а не мечтай! Короче, Шлиц послал Фафочку, а Фафа озлобился.

– И что? – снова перебил Федя.

– А то! Надулся и заткнулся. А как только Иосиф ушел из клуба, Фафа сбегал к менеджеру. Носик обмакнул и давай храбриться.

– Ух ты! И чего, чего он говорил?

– Ха! Говорил? Он орал как резаный. Как завелся, я его не мог остановить. Да что я?! Никто не мог. Сперва он начал весь разговор пересказывать. Ну, мол, я его как человека просил. Я же звезда, а не розовая кофточка.

– Это клево! Не розовая кофточка! Ха-ха!

– В общем, Фафочка растравил себя дальше некуда. И тут его понесло. Начал ругать его. Кричит: «Он меня послал в задницу! Вы слышите, люди добрые, в задницу. Так я с удовольствием залезу к Шлицу в это место. И буду там сидеть до тех пор, пока он не взмолится о пощаде. Пока не будет меня умолять стать председателем жюри!»

– Круто! Умница Фафа! Я его обожаю. Такой клевый ответ. Это тебе не «розовая кофточка». Только как-то теперь жалко Шлица... А когда это было?

Проша многозначительно поднял брови, и до Феди стал доходить весь смысл сказанного. Он с ужасом смотрел на друга, а тот молча кивал головой, подтверждая самые худшие догадки Феди. Федя схватился руками за голову и застонал:

– Мамошка! Мамуля! Роди меня обратно! Бедненький Фарфорушка! Бедненький Иосиф Давыдович! Мамочки!

Он причитал и раскачивался из стороны в сторону, Прохор попытался его успокоить и обнял, и Федя, уже не сдерживая эмоций, обхватил друга и зарыдал. Прохор тихонько погладил его по спине и прошептал:

– Тихо, тихо, Феденька. Все хорошо будет. Может, никто и не узнает, что Кирюшенька так ругался и грозился.

Проша и сам себе не верил. За этим скандалом наблюдал весь клуб «Гоголефф». А само по себе появление в одном месте сразу двух звезд – Кирилла Фарфорова и Иосифа Шлица – привлекало журналистов и папарацци со всех концов земли. И вечер накануне убийства не был исключением. Вспышки камер красноречиво говорили о том, что их конфликт не был тайным.

И словно в подтверждение самых худших ожиданий Феди рядом с ними, словно из-под земли, выросли четыре здоровенных дядьки в серых костюмах. Самый рослый, похожий на Николая Валуева по комплекции и выражению лица, взял пальцами-клещами правой руки Федю за локоть, а левой – точно так же Прошу и грозно спросил:

– Федор Филатов и Прохор Москвин?

– Нет! Это не мы, – глупо отозвался Федя.

Оперативник действительно перепутал их фамилии. Но такой ответ явно не устраивал представителя правопорядка, и он, хищно усмехнувшись, тряхнул парней что было сил:

– Ну-ну! Пройдем! Там разберемся, кто из вас ху? – и с силой потащил мальчишек к выходу, и только крик бармена остановил его.

– Эй-эй! Куда пошли? За коктейль тысячу двести заплатите!

– Слышь, ты, продавец воздуха, – опер насмешливо глянул в сторону не в меру шустрого официанта, – хочешь с нами прогуляться? Ты же, падла, не расплатишься!

Тот под железобетонным взглядом оперативника сник:

– Ну, тогда все в норме. Вопросов нет.

– Хм. Кто бы сомневался. Живи, сучонок, пока я добрый. Но я не прощаюсь. Как-нибудь вернусь, потусуемся с тобой, красавчик! – подмигнул оперативник и потащил дружков-неудачников к выходу под молчаливые усмешки своих коллег.

Кассир

Фрост пока не давал Мите Фадееву никаких точных указаний. Так и распорядился: жди и не дергайся. Ни с кем не контактируй, собирай информацию по всем активам и готовь мне бумаги. Митя, несмотря на свою относительную молодость, обладал уникальными качествами, за которые его и ценил Шлиц. Великий продюсер выбрал Митю из тысяч увиденных и проверенных и не ошибся. Фадеев хоть и приворовывал помаленьку, а не подводил никогда. В результате Фадеев стал наиболее приближенной к Шлицу фигурой, и на сегодня именно он обладал наибольшей полнотой сведений об активах покойного Шлица. И уж Митя ясно понимал, что никто не сможет претендовать на деньги Иосифа – прежде всего потому, что никто до конца и не представлял всего масштаба созданного им бизнеса.

Перерегистрации требовали двенадцать компаний, связанных с основной фирмой Шлица «Олл старз корпорейшн, лимитед». Ответная структура существовала и в офшорной зоне, куда стекались безналоговые платежи как от зарубежных, так и от отечественных проектов. Поэтому Митя выбирал уставные документы и пакетами готовил под внесение изменений, – как и условились, вплоть до команды Фроста. Фадеев не выходил на связь с Викторией, и она пока его не трогала, видимо, выдерживала положенные девять, а потом сорок дней.

Даже если бы вдова и сумела оттеснить Фадеева от дел, у него оставалась достаточная сумма наличных, чтобы он мог свободно пожить годик-другой где-нибудь на Каймановых островах. Как-то он посетил их, проехав вдоль и поперек: от ровненьких белых строений в викторианском стиле до черепаховой фермы на южном побережье острова Гранд Кайман. Банковский центр, в котором сосредоточились все банки офшора, ломившиеся от спрятанных и уведенных из крупнейших экономик мира денег, восхитил Митю, и он твердо решил поселиться именно здесь – при первой же возможности. Теперь казалось, что такое время вот-вот настанет.

Фадеев пристроил мешок с наличными в большой металлический шкаф, так как сейф был и так забит до отказа деньгами и документами по предприятиям Шлица, и снял с полки открытого железного шкафа папки с личными контрактами певцов. Сейчас его остро интересовали двое: Клим Чук, взбунтовавшийся и этим подставляющий лично Митю, с которым договаривались заказчики. Второй была Айя Кисс, симпатичная молоденькая и совсем не испорченная девушка. Ее настоящая фамилия была Котова, поэтому псевдоним был соответствующий – Кисс. Шлиц берег Айю, поскольку имел какие-то ему одному известные обязательства перед ее родителями. Кажется, отец Айи когда-то помог Шлицу уйти чуть ли не от тюрьмы. Ну а после трагической гибели отца Айи пришлось время платить добром за добро.

Впрочем, Шлицу протекторат над Айей убытков не приносил. Последние полгода, сразу же после очередного «Звездного конвейера», Айя Кисс стала пользоваться невероятной популярностью – и не только у молодежи, но и у респектабельных бизнесменов. Ее требовали на корпоративы и частные закрытые вечеринки за любые деньги. Но, надо сказать, Иосиф, оберегая девушку, давал согласие далеко не на все. Он даже платил ей что-то вроде зарплаты, лишь бы уберечь от какой-нибудь гадости. А гадости вокруг было предостаточно. Строптивых артистов, бывало, даже избивали прямо во время выступления.

Особенно опасными были свадьбы криминальных авторитетов. На них обязательно били и даже стреляли. Так пострадал певец Перикл Тессо, которому прострелили обе ноги за то, что он не стал танцевать с женихом. Певца Виктора Малькова застрелили во время концерта из-за спора, чей артист будет выступать последним и закроет концерт. Тенора Даниеля Дефо расстреляли возле подъезда дома из-за девушки, с которой он стал встречаться, не зная, что она состоит в гареме Рашида Мухтаргаджибекова. В Твери прямо в квартире в упор расстре-

ляли Леонида Друга. По всем этим фактам заводились уголовные дела и даже как бы велось следствие. Но преступления чаще всего так и оставались нераскрытыми.

Митя вздохнул. Он понимал, что и дело об убийстве Шлица, скорее всего, ждет подобная участь. Агушин производил впечатление достаточно вменяемого мужика и поэтому, скорее всего, не пойдет на явную подтасовку. Не станет пытаться задержанных и заставлять сознаться в том, чего не делали. Не будет напрасно обвинять невиновных. Хотелось в это верить. По крайней мере, Митю отпустили под честное слово, что он принесет все списки компаний Шлица и копии авторских и продюсерских договоров.

– Иди сюда, родной, – пробормотал Митя и с особым удовольствием первым в стопку только что испеченных копий положил контракт Клим Чуга. Агушин мог серьезно потрепать нервы этому мерзавцу.

Одно было странным: совершенно молчала Виктория Медянская. Фадеев долго боролся с собой, а затем не выдержал и набрал до боли знакомый ему телефон квартиры босса. Он должен был знать, чем дышит сейчас вдова Иосифа. И длинный гудок, наконец, прервался вопросом:

– Алло? Кто это?

– Виктория Станиславовна, извините, это Митя Фадеев.

– А-а. Здравствуй, Митя. Куда ты пропал? Почему не появляешься? Ты был на похоронах? Я тебя что-то не видела.

– Виктория Станиславовна, извините, я просто не смог... по семейным... по личным обстоятельствам. Простите... Но вы же знаете мое отношение к Иосифу Давыдовичу. Он для меня и сейчас как живой. Он – мой учитель, наставник. Он для меня как бог был всегда. Пусть так и останется. Я его не видел мертвым...

– Ну, хорошо. Дело твое. Когда ты ко мне с отчетом придешь? Надо же фирму не бросать.

– А она не брошена... Просто слегка заморожена.

– Митенька, брось свои сказки. Ты сам не отмораживайся только! А то смотри, не оттаешь. У меня есть конкретные вопросы к тебе.

Митя насторожился:

– Виктория Станиславовна, я не отмораживаюсь, но есть объективные причины, которые мне мешают. Я готов к вашим вопросам. Давайте.

– Прежде всего, поясни, почему мне звонят «конвейеристы» и спрашивают про какие-то там гастроли, билеты, подтверждения?

– А вы не обращайте внимания. Они болтаются без дела уже полгода. Просто это был последний «конвейер», и Иосиф Давыдович не ладили с Корнеем Львовичем на нем. Потом этих Буратин выпустили, а спроса нет. Фрост все перекрыл, что смог. А он может, сами понимаете, многое. Вот эти малолетки и слоняются. Иосиф Давыдович обещал им гастроли по Югу. Ну, Украина, Крым, Анапа. Туда вроде Фрост не дотянулся. Пусть сами устраиваются.

– Так, с этими ясно. Хотя мне не нравится, что ты их сейчас кидаешь на произвол судьбы. Может, поговорить с Фростом? Все же он приходил на похороны, обещал помощь.

Фадеев усмехнулся: обещания Фроста в такой ситуации не значили ничего. Медянская и сама прекрасно знала цену этим дежурным обещаниям. Но все же надеялась. Ведь когда-то очень давно, в то время как Виктория была замужем за Женей Кузьминым, они даже дружили домами. Так вышло, что Женя был одноклассником Корнея, и они довольно-таки часто общались семьями. Конечно, время было совсем другое, и все относительно ровно делали карьеру. А как только политическая волна вынесла Корнея наверх телевизионного олимпа, с ним стало сложнее не только поговорить, но даже увидеться. Ну а развод с Кузей и нахальные выпады Иосифа против Корнея окончательно поставили глухую стену в отношениях. Теперь, после гибели мужа, появлялся шанс хотя бы снискать сочувствие и хоть какую-то помощь от теле-

магната. Но это Виктория могла сделать и без Митиных рассуждений, а потому задала следующий вопрос:

– А почему не заплатили Айе?

– В смысле? Как не заплатили?

– Митя, я тебя предупреждала, не надо мне вопросом на вопрос отвечать! Почему не заплатили Айе Кисс? Она пришла ко мне и попросила денег. Говорит, что была в туре Берлин – Франкфурт – Кельн – Гамбург. Иосиф еще организовывал, чтобы девочка получила опыт и подальше была от наших липких антрепренеров. Я проверила. Все правильно. Десять выступлений вместе с другими командами, без сольников. Я ей даю триста долларов, как записано в контракте. Он как нарочно на столе у Иосифа остался лежать. Я посмотрела. Там так и написано: триста долларов за выступление в этом туре.

– А чего она?

Мите даже стало любопытно, что может сказать певец, если его вдруг опускают подобным образом на уровень плинтуса. Ясное дело, что в официальном контракте ни один уважающий себя продюсер не станет писать полную сумму гонорара артиста. Иначе придется самому добавлять за налоги и вычеты. Так все работают, включая тех же Ротмана, Фроста, Гарика. Основной расчет после «чеса». По факту. Продюсеру от пятидесяти до восьмидесяти процентов. В зависимости от класса певца. От десяти и ниже группе и административному звену. Если только они не живут за счет артиста. А то некоторые пытаются жрать в два горла и получать со всех: и с продюсера, и с устроителей, и с певца. Вот таким как раз ноги и ломают. Причем ломают такие, как Ванька Бессараб. Митя вспомнил громилу и поежился. Виктория же продолжала:

– Она явно растерялась. Но ничего не говорит. А у самой слезы в глазах стоят. И я не пойму, в чем дело. Наверное, какая-то ошибка. Поясни, Митя, а то я как дура себя чувствую.

– А почему вы решили, что ошибка? Нет никакой ошибки. В контракте что указано?

– Там написано триста. Я и дала столько. Но сама чувствую, что это какой-то подвох. Может, Иосиф прятал реальные гонорары?

«С ума сойти! Не прошло и трех дней...» – Митя закатил глаза. Медянская только-только догадалась о том, что известно каждому мальчишке уже на второй день работы в шоу-бизнесе. Но вслух добавил именно то, что мог сказать:

– Нет, ничего он не прятал. Просто на таких девочек такие расценки. Они и едут в поездку ради того, чтобы мир посмотреть и себя показать. Еще с них брать надо.

– Ну-ну. Разошелся. Они хоть молодые, но уже артисты. Многие из них гораздо толковее, чем ты.

Уже готовый к такому повороту, Фадеев мгновенно прикинулся обиженным:

– Ой, утешили, Виктория Станиславовна! Разве я заслужил такие слова?

И понятно, что сердце Медянской смягчилось.

– Ладно, не дуйся. Сам виноват, пропадаешь непонятно где. Сейчас мне вообще не до бизнеса. А они лезут со своими вопросами. Я и так без Иосифа – как без воздуха. Он же мне был больше чем муж. Он был как отец, хозяин, полубог! – Она тяжело вздохнула и вроде даже всхлипнула.

– Вы не обижайтесь тоже, Виктория, – вздохнул Митя, – я, что могу, сделаю. Но поймите, что здесь ни вам, ни мне одним не справиться. Слишком велика потеря... Иосиф Давыдович и впрямь был полубог...

Это, в общем, было правдой. Митя и впрямь туманно представлял себе свою судьбу в ближайшее время. Чаще всего она вырисовывалась в каких-то полууголовных тонах – между следователем Агушиным, операм которого он дал подписку о сотрудничестве, медиаолигархом Фростом, который наверняка заберет все спорные активы, и вдовой Медянской, абсолютно не способной удержать на плаву «Титаник», построенный гениальным Шлицем.

– Ой, ладно, Митя. Повздыхали и хватит. Все равно в эти сорок дней по правилам ничего нельзя делить. Подождем?

– Угу.

– Все. Митя, не пропадай. И все же занеси деньги, которые собрал и не передал Иосифу. Я же знаю, что ты их получил. Иося хоть и не докладывал мне о доходах, но такие вещи я знаю. Договорились? Ну, пока!

Голос Виктории звучал как-то по-особенному. И Митя не стал ей перечить.

– Конечно, Виктория Станиславовна. До свидания!

Митя повесил трубку и сразу же забрался в шкаф и сейф. Деньги, разобранные по наименованиям валют, сложенные и увязанные в ровные пачки, притягивали его и не отпускали. Он потер виски и стал отсчитывать сто тысяч долларов. Отложил их в сторону и убрал сумки обратно в сейф и металлический шкаф. Даже от изъятых сотни места не прибавилось. Он вздохнул и на столе разделил отсчитанные сто тысяч пополам. Пятьдесят сунул в ящик стола, а остальные бросил в бумажный пакет с цветочками и надписью «Поздравляю!». Митя попробовал его на вес. Задумался, снова выдвинул ящик стола и доложил только что убранные пятьдесят тысяч в пакет. Теперь пакет стал в два раза тяжелее и толще. Выглядело солидно. Фадеев удовлетворенно кивнул. Положил пакет на стол и решил сегодня же вечером отвезти Медянской.

Крайний

Митя остановил свой красный «Порше» на углу дома. Там было светлее и многолюднее. Мимо проходила тропинка, по которой нескончаемым ручейком спешили с работы люди. Напротив такие же трудящиеся ждали на остановке автобуса. Машина была практически под постоянным присмотром. Угона Митя не боялся, а хулиганы и вандалы в такое время не сунутся. Он схватил пакет в розочках и с надписью «Поздравляю!» и поспешил к подъезду Медянской. А уже на ступеньках сзади подошли двое.

Митя похолодел, и нервный озноб предательски заставил дрожать колени и шею. Он понимал, что они выбрались из здорового «Субурбана», который стоял прямо напротив входа, но это не проясняло ничего. По всему телу бежали гаденькие мурашки. Мужчины прижали Митю с двух сторон и, как по команде, одновременно положили свои ручки на плечи. Тот, что был справа, загудел, как огромная труба:

– Эге. Фадеев. Генеральный директор покойничка Шлица. Собственной персоной. Чего шаримся в темноте? Тянет на место преступления? – Тот, что слева, надавил на Митины ребра. Фадеев от неожиданности и боли охнул. После кулаков Бессараба тело до сих пор саднило.

– Не! Я ни при чем! – через силу выдавил Митя. – Я к Медянской иду. Она ждет меня. По делу.

– Так, так. По делу, говоришь? Сейчас проверим! – Митю прижали к стенке подъезда. – Что несешь, голубок? Пирожное, мороженое? Давай сюда.

Не дожидаясь ни ответа, ни разрешения, он выхватил пакет «Поздравляю!» и запустил туда свою лапу. Вытащил сверток и, чуть надорвав угол зубами, понюхал:

– Уфф. Ничто в мире так не пахнет, как свежееотпечатанные баксы. Скажи, Валер? – обратился он ко второму. Валера подвигал ноздрями и, вдохнув запах зеленой спецкраски американского финведомства, кивнул и нараспев, растягивая звуки, резюмировал:

– Ага! Прет, Саныч! Баа-а-акс-с-сы...

Действительно, запах был резкий и специфический. Его чувствовал даже Митя. Он понуро опустил голову и готовился умереть на месте. Большей глупости и позора придумать было нельзя. Здоровяк Саныч отпустил Митю и сгреб в ладонь все деньги. Раздумывая, покачал в руке. Потом опустил свободную руку на плечо Фадеева и посмотрел ему в глаза. В сумерках и нервном стрессе Митя уже не различал лица говорящего.

– Фадеев, ты молодец, что решил вдове помочь. Хвалю! Надеюсь, не последние припер? Только вот помощь твоя ей больше не понадобится. Не парься, Митя. Ее дело теперь вдовье. Оставь мадам в покое и забудь про нее. А тебя ждет Гарик. Давай прокатимся и потолкуем. А не захочешь... – Саныч отреагировал на какое-то Митино естественное движение. – Мы тебя сперва в отдел свозим. Посидишь в обезьяннике пару суток. Гарик Ованесович к тебе сам приедет.

– Ну, что? Едем, чудило? – подал голос Валера и больно ткнул под ребра кулаком. Митя застонал и закивал головой одновременно:

– Едем, едем. Только не бейте, пожалуйста...

– О-па! Кто тебя, голубь ты мой сизокрылый, бьет? Ты что? – теперь уже его ткнул под ребра Саныч.

– Нехорошо, Митя, клеветать на сотрудников органов. Нехорошо! – ему снова добавили по ребрам.

Митя чуть не плакал от боли и обиды. Он-то посчитал, что попал в руки бандитов, а это оказались менты. Можно было догадаться, ведь Гарик Бестофф работал исключительно с «красными крышами», подкармливая всех борцов с преступностью. Вот и эти оказались из его когорты. Слишком уж здоровенные. От таких и не убежать. Плюс у каждого под мышкой

топорщилось по кобуре. И явно не пустой. Пристрелят и глазом не моргнут. Спишут на случайный труп или попытку нападения на сотрудников милиции. В общем, со всех сторон оставался Митя крайним.

Прокурворы

На Федора и Прохора было страшно смотреть. Зареванные лица, спутанные волосы, грязные изорванные рубахи. Они просидели в общем обезьяннике при отделе милиции с бомжами, пьяницами и хулиганами часа три, но этого хватило. Те, быстро раскусив, что их временные соседи слеплены из другого теста, вдоволь наиздевались над мальчиками-одуванчиками. Если бы не открытые решетки, то, скорее всего, их бы еще и изнасиловали. По крайней мере, два уродливых беззубых мужлана в одних семейных трусах и наколках с ног до головы прямо об этом и говорили.

Мальчики держались, как могли: схватились за руки и отчаянно сопротивлялись. Но все это время их катали по полу, пинали ногами, ощупывали каждый миллиметр тела, а по некоторым местам прошлись неоднократно, гогоча и щипая. А затем экзекуция внезапно кончилась, и их перевезли в чистенькое, хотя и невзрачное помещение следственного управления. Добрый следователь по имени Геннадий Дмитриевич внимательно выслушал все их жалобы, дал по листу бумаги – написать жалобу на злых соседей по камере – и по стакану сладкого чая – успокоиться и согреться. Федя и Проша написали все, что с ними произошло, и выпили чай. Кажется, ничего вкуснее в жизни они и не пробовали до сего дня. Но, главное, они были свободны. Ну, скажем, почти свободны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.